

АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ КЛАССИКИ

НАШИ РУССКИЕ

ЧИНОВНИКИ

РИПОЛ КЛАССИК

Антология русской классики

АНТОЛОГИЯ
Наши русские чиновники

«РИПОЛ Классик»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

Антология

Наши русские чиновники / Антология — «РИПОЛ Классик»,
2023 — (Антология русской классики)

ISBN 978-5-386-15117-1

Чиновники были и по-прежнему остаются бичом нашей российской действительности? Так что многие давно привыкли к такой практике, что волокита в делах, связанных с чиновничеством, неизбежна? А ведь по большому счету чиновники должны защищать интересы любого гражданина и действовать исключительно законодательно и на благо человека. Так ли складывались отношения с русским чиновничеством на протяжении российской истории? Вместе с русскими классиками И. Н. Сухих исследует этот вопрос в сборнике «Наши русские чиновники»: «Русское чиновничество тоже придумал Петр Великий. Петровская «Табель о рангах» – матрица русской жизни почти на два столетия, в том числе в книгах, в образах, в культурной памяти. В антологию входят повести и рассказы В. Карлгофа, А. Пушкина, Н. Гоголя, М. Салтыкова-Щедрина, Н. Лескова, А. Чехова, Л. Андреева, Мих. Зощенко, Мих. Булгакова, А. Куприна, а также комедия Н. Гоголя «Ревизор» и стихотворный фельетон Н. Некрасова «Чиновник». Они представляют разные ступени чиновной лестницы и разное отношение (от сентиментальности до сатиры) русских писателей к этому неустранимому феномену национальной жизни».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-386-15117-1

© Антология, 2023
© РИПОЛ Классик, 2023

Содержание

Игорь Сухих	8
Вильгельм Карлгоф	15
Станционный смотритель	15
Александр Пушкин	21
Станционный смотритель	21
Николай Гоголь	27
Ревизор	27
Действующие лица	27
Характеры и костюмы	28
Действие первое	29
Явление I	29
Явление II	31
Явление III	32
Явление IV	34
Явление V	35
Явление VI	36
Действие второе	36
Явление I	36
Явление II	37
Явление III	38
Явление IV	38
Явление V	39
Явление VI	39
Явление VII	40
Явление VIII	40
Явление IX	43
Явление X	43
Действие третье	44
Явление I	44
Явление II	45
Явление III	46
Явление IV	46
Явление V	47
Явление VI	48
Явление VII	50
Явление VIII	50
Явление IX	51
Явление X	51
Явление XI	53
Действие четвертое	53
Явление I	53
Явление II	54
Явление III	54
Явление IV	55
Явление V	56
Явление VI	57

Явление VII	58
Явление VIII	59
Явление IX	59
Явление X	60
Явление XI	61
Явление XII	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Наши русские чиновники

© Зощенко М. М., наследники, 2023

© Сухих И. Н., вступительная статья, примечания, 2023

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2024

Игорь Сухих

Четырнадцать ступеней: слезы и смех

Русское чиновничество тоже придумал Петр Великий.

24 января (4 февраля) 1722 г. император подписал указ, вводящий «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был». 263 государственные должности в табели/таблице были распределены на три упомянутые в заглавии группы (воинские, штатские и придворные) и представлены в виде 14 ступенек/классов.

За витиеватым заглавием скрывалась простая вещь: в новой, Петровской, России карьера должна определяться личным служением, а не заслугами предков. «Этот учредительный акт реформированного русского чиновничества ставил бюрократическую иерархию, заслуги и выслуги, на место аристократической иерархии породы, родословной книги» (В. О. Ключевский).

Позднее в табели что-то менялось: исчезали некоторые должности, сдвигался порог превращения личного дворянства в потомственное. Но неизменным оставалось главное: четырнадцать степеней определяли судьбу служилого человека: наряды (форму) и награды, образ жизни и круг знакомых, жалование и пенсия.

Табель о рангах – матрица русской жизни почти на два столетия. Главная, статская, ее часть будет отменена через несколько дней после Октябрьской революции. 12 (25) ноября 1917 года появится «Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов». Придворные чины исчезнут чуть раньше, военные – несколько позже.

Чины исчезли – чиновники остались. В том числе в книгах, в образах, в культурной памяти.

Нельзя забывать, что многие писатели (или будущие писатели) сначала служили, воевали или совмещали литературу и службу (часто в цензурном ведомстве). Причем в их отношениях с государством прослеживается любопытная закономерность: по мере формирования русской интеллигенции их служебные заслуги становилось все более сомнительными. На смену официальной карьере приходит общественная репутация.

Самый высокий чин, действительного тайного советника (второй класс), был у Г. Р. Державина. Начав службу с нечиновного рядового Преображенского полка, за сорок лет он побывал и губернатором, и министром юстиции, и личным кабинет-секретарем императрицы.

До тайных советников (третий класс) дослужились П. А. Вяземский и Ф. И. Тютчев. Действительными статскими советниками (четвертый класс) стали И. А. Гончаров и поэт, директор Царскосельской гимназии И. Ф. Анненский. В чине статского советника (пятый класс) погиб А. С. Грибоедов.

А вот другие писатели по разным причинам задержались на нижних ступеньках табели. Главные военные нашей литературы, Лермонтов и Толстой, так и остались поручиками (десятый класс).

Из авторов нашего сборника служили немногие, причем с разным успехом.

Служебные карьеры В. И. Карлгофа и – через двадцать с лишним лет – М. Е. Салтыкова-Щедрина завершились в чине действительного статского советника. До редакторства в знаменитых «Современнике» и «Отечественных записках» Салтыков-Щедрин побывал вятским и тверским вице-губернатором.

А. С. Пушкин, несмотря на расположение императора Николая, вырос всего на один чин. Выпущенный из лицея коллежским секретарем (десятый класс), он ушел из жизни титулярным советником (одиннадцатый класс).

Н. С. Лесков лишь после нескольких лет службы получил чин коллежского регистратора (четырнадцатый класс), а ушел в отставку в чине губернского секретаря (двенадцатый класс).

И живописание русских чиновников тоже начинается с нижних ступеней.

Две повести с одним названием вышли практически одновременно, в эпоху становления русской прозы. Но их судьба различна. «Станционный смотритель» Карлгофа (1827) известен только специалистам. Он перепечатывается в нашей антологии почти через двести лет после публикаций в журнале и сборнике Карлгофа «Повести и рассказы» (1832). Повесть Белкина / Пушкина – один из шедевров русской прозы – создала особую тематическую линию *повести о бедном чиновнике* и многочисленные эхо-отклики в последующей литературе.

Различие литературной судьбы двух «Станционных смотрителей» объясняется не только уровнем таланта их авторов ¹. Важен их литературный контекст.

Карлгоф следует уже устаревшей к тридцатым годам карамзинской манере. Он сентиментален и поэтичен, но эта поэзия приторна, жеманна и мало соприкасается с реальностью. Она адресована настроенному на ту же волну читателю (или читательнице?).

«В сердечном умилении я протянул руки к счастливому отцу семейства, обнял его... И в эту минуту добрая мать и прелестные деточки образовали около меня истинно-трогательную группу. Ты, пылкий мечтатель, столь счастливо владеющий языком богов! Или ты, пламенный воспитанник древних, наш северный Корреджий! Для чего не были вы зрителями этой картины? Оно раскрыло бы вам истинно изящное: так и это мгновение чистой радости принадлежало живописи и поэзии!»

Станционный смотритель является для повествователя не реальным чиновником четырнадцатого класса, а образцом сентиментального героя, наслаждающегося скромной жизнью на лоне природы, в кругу семьи и не мечтающего о большем.

«Я выбрал настоящую мою должность.

Здесь в тишине и радостях я живу уже 12 лет; начальство хорошо расположено ко мне, соседи любят; жена подарила меня милыми детьми; до сих пор сопутствовала мне в дороге жизни, как добрый друг <...> Бескорыстная любовь, веселое настоящее и сладкие надежды в будущем делают жизнь нашу раем, в котором не достает только вечности».

Карлгоф создал идиллию и утопию – идеальную модель судьбы маленького человека. Проблема лишь в том, что ее невозможно было соотносить с реальностью.

Демонстративно повторив заглавие повести Карлгофа, Пушкин изобразил своего героя в реальных обстоятельствах (сегодня можно попасть в музей «Дом станционного смотрителя» в Выре). В судьбе «мученика четырнадцатого класса» автор «Повестей Белкина» увидел не идиллию, но драму, причем не только/столько чиновника, но – отца, мужчины, человека.

В повести нет очевидно правых и виноватых. Да, коварный гусар обманывает смотрителя и потом выталкивает его из дома, но он действует по праву любви.

И жизнь дочери складывается богато и счастливо, а вовсе не так, как предсказывал отец: «Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою». И должна же она была куда-то податься с постовой станции и неизбежно покинуть отца.

Но в итоге герой спивается, умирает и на его заброшенной могиле дочь оказывается по чистой случайности.

И вот финальный диалог авторов двух «Станционных смотрителей».

¹ «...Это листочки, вырванные из записной книжки человека с умом, душою, замечательным дарованием, но это листочки, а не вполне оконченные создания художника!» – скажет о повестях Карлгофа Н. Полевой.

Карлгоф: «Так, я верю тебе, счастливый мудрец! Бескорыстная любовь, веселое настоящее и сладкие надежды в будущем превращают грустный мир в веселый рай!

Не правда ли, читатель?»

Пушкин: «Мы пришли на кладбище, голое место, ничем не огражденное, усеянное деревянными крестами, не осененными ни единым деревцом. Отроду не видал я такого печального кладбища.

– Вот могила старого смотрителя, – сказал мне мальчик, вспрыгнув на грудку песка, в которую врыт был черный крест с медным образом.

– И барыня приходила сюда? – спросил я.

– Приходила, – отвечал Ванька, – я смотрел на нее издали. Она легла здесь и лежала долго. А там барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром – славная барыня!

И я дал мальчишке пятак и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных».

С «Повестей Белкина» начинается новая манера разговора русских писателей о русской жизни. «Точность и краткость – вот первые достоинства прозы», – напишет юный Пушкин за восемь лет до Болдинской осени («О русской прозе», 1822).

А на вопрос одного из приятелей «Кто этот Белкин?» ответит, словно вспомнив неоконченную статью: «Кто бы он там ни был, а писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно».

С «Повестей Белкина» началась повесть о бедном чиновнике – один из важных сюжетов русской реалистической литературы.

Гоголевская «Шинель» (1842), написанная уже не просто и ясно, но затейливо и причудливо, тем не менее продолжает пушкинскую традицию. Судьба гоголевского «вечного титулярного советника», пожалуй, даже более драматична, чем пушкинского коллежского регистратора. Акакий Акакиевич Башмачкин (какое-то заикание чудится даже в придуманном писателем именовании героя) не только беден, но совсем одинок в мире бездушного Петербурга. И гибнет он после потери не дочери, но – шинели.

«Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» – главный детский безответный вопрос повести.

«Ревизор» начинает (или, точнее, гениально продолжает, потому что в таком духе писали о чиновничестве уже в XVIII веке) другую традицию изображения чиновничества. Появление мнимого ревизора проявляет изнанку жизни вроде бы обычного провинциального русского города.

Среди городских чиновников нет ни одного честного человека, они и берут и дают взятки. О каком-то честном выполнении обязанностей говорить тоже смешно: почтмейстер вскрывает письма, лекарь не знает ни одного слова по-русски, в присутственных местах держат гусей. Купцы и знаменитая унтер-офицерская вдова, которая «сама себя высекла», тщетно мечтают о какой-то справедливости.

Городничий подводит под образ жизни этого «сборного города» философские основания: «Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено, и волтерианцы напрасно против этого говорят».

В странном послесловии «Театральный разъезд после представления новой комедии» (1836, 1842) «автор пьесы» объяснял замысел: «Странно: мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе. Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во все продолжение ее. Это честное, благородное лицо был – смех».

Позднее Гоголь-моралист, кажется, сам испугался коллективной кривой рожи, показанной в «Ревизоре» и попытался превратить своих персонажей в личные пороки: «Всмотритесь-ка пристально в этот город, который выведен в пьесе: все до единого согласны, что этакое города нет во всей России, не слыхано, чтобы где были у нас чиновники все до единого такие

уроды; хоть два, хоть три бывает честных, а здесь ни одного. Словом, такого города нет. Не так ли? Ну, а что, если это наш же душевный город, и сидит он у всякого из нас?» («Развязка „Ревизора“», 1846).

На что исполнитель роли Городничего М. С. Щепкин непримиримо возражал: «Не давайте мне никаких намеков, что это-де не чиновники, а наши страсти: нет, я не хочу этой переделки: это люди, настоящие, живые люди, между которыми я взрос и почти состарился, – видите ли, какое давнее знакомство <...> Нет, я вам их не отдам, пока существую. После меня переделывайте хоть в козлов, а до тех пор не уступлю даже Держиморды, потому что и он мне дорог» (М. С. Щепкин – Н. В. Гоголю, 22 мая 1847 г.).

В итоге логика образов победила позднее мнение автора. «Ревизор» остается одной из вершин русской сатиры, в фокусе которой находится чиновная, самодержавная Россия.

Новые ее страницы вписывают в историю русской литературы писатели, узнавшие этот быт изнутри.

Книга Салтыкова-Щедрина «Губернские очерки» (1856) придала гоголевскому гротеску более конкретные, бытовые черты. То, что в гоголевской фантазмагии могло показаться полетом фантазии, в бытописании Н. Щедрина (впервые появившийся как раз в этой книге псевдоним) приобрело характер неопровержимого факта, свойства системы.

Микроцикл «Юродивые» – один из ключевых в щедринской книге. В монологах персонажей проявляются важные грани портрета провинциального чиновничества: простодушная инфантильность, непонимание жизни («Неумелые»), откровенный цинизм («Озорники»), безумный фанатизм («Надорванные»). Причем Щедрин не просто изображает, но – объясняет.

В монологе щедринского «Надорванного» есть важный штрих: «Я столько получаю ежедневно оскорблений, что состояние озлобления не могло не сделаться нормальным моим состоянием. Кроме того, *жалованье мое такое маленькое*, (выд. мной. – И. С.), что я не имею ни малейшей возможности расплыться в материальных наслаждениях».

«Щедрин вовсе не так инстинктивно смотрит на взяточничество – прочтите его рассказы „Неумелые“ и „Озорники“, и вы убедитесь, что он очень хорошо понимает, откуда возникает взяточничество, какими фактами оно поддерживается, какими фактами оно могло бы быть истреблено. У Гоголя вы не найдете ничего подобного мыслям, проникающим эти рассказы. Он видит только частный факт, справедливо негодует на него, и тем кончается дело. Связь этого отдельного факта со всею обстановкою нашей жизни вовсе не обращает на себя его внимания», – договаривал за писателя критик (Н. Г. Чернышевский, «Сочинения и письма Гоголя», 1857).

Реальная жизнь отвергала петровскую идею. Чиновниками четвертого – второго классов (канцлер – исключительная фигура) становились обычно представители «родословной книги».

«Чин действительного статского советника – IV класса – был равен генерал-майору в армии. С 1856 г. давал право на потомственное дворянство. Но достигнуть его недворянину было практически невозможно. Так, в 1903 г. основная масса губернаторов имела чин действительного статского советника, при этом все они – потомственные дворяне» (В. П. Богданов, «„Крапивенное семя“: Чиновничество и российская саморефлексия»).

«Канцеляристу и мелкому чиновнику едва хватало жалованья на плату за квартиру, собственно комнату, которую он зачастую делил с товарищем, или даже „угол“ с прислугой <...> Немногие чиновники, даже дослужившись до значительного чина, могли позволить себе завести семью <...> Собственно, именно бедность чиновников, неустойчивость положения, недостаточность жалованья для безбедного существования, зависимость от всей иерархии начальства не только по службе, но часто и в быту оправдывали в глазах общества привычное взяточничество русских чиновников» (Е. Жерихина, «Русский чиновник как исторический персонаж»).

Таким образом, сословный принцип сохранялся и в России XIX века. Между нижними и верхними ступенями чиновничьей лестницы существовал огромный разрыв, едва ли не бездна. На взяточничество большую часть чиновничества провоцировала государственная система.

Важные штрихи к этому коллективному портрету добавляет Лесков: честный чиновник – либо сумасшедший («Однодум»), либо иностранец, англичанин («Язвительный»). У Гончарова деловым человеком тоже будет русский немец Штольд.

Писатель следующего поколения, Чехов, снова меняет художественную оптику. Он уже не издевается, а иронизирует и презирует. «Смерть чиновника» – вывернутая наизнанку «Шинель». Сочувствие здесь вызывает не бедный чиновник (между прочим, экзекутор – статский чин десятого класса), а значительное лицо, старичок-генерал, желающий поскорее забыть нелепый случай. А Червяков (для Антоши Чехонте характерна уже эта говорящая фамилия) пресмыкается, бесконечно извиняется и помирает (снова характерное снижающее словечко), в сущности, не от генеральского гнева, а от собственного страха.

Точно так же пресмыкается перед одноклассником тонкий, вдруг узнав, что разница между ними – в пять ступеней (коллежский асессор, восьмой класс, против тайного советника, третий класс).

«Нет, Саша, с угнетенными чиновниками пора сдать в архив и гонимых корреспондентов... Реальнее теперь изображать коллежских регистраторов, не дающих жить их превосходительству, и корреспондентов, отравляющих чужие существования... И так далее», – объяснял Чехов брату уже после написания рассказа (Ал. П. Чехову, 4 января 1886 г.).

Поэтому еще один тайный советник в одноименном рассказе, увиденный глазами ребенка, изображен писателем с добрым юмором. Похожий на чудаков Диккенса, неприспособленный к деревенской жизни, нелепо влюбляющийся в жену управляющего, так и не запомнивший лицо племянника, он покидает имение родственников, снова возвращаясь в свое одиночество: «Как тебе сказать, жизнь так сложилась. Смолоду слишком заработался, не до жизни было, а когда жить захотелось – оглянулся, то за моей спиной уж 50 лет стояло. Не успел! Впрочем, говорить об этом... скучно».

Замечательна финальная сцена этого замечательного, но малоизвестного чеховского рассказа.

«Дня через три величественные чемоданы были отправлены на станцию, а вслед за ними укатил и тайный советник.

Прощаясь с матушкой, он заплакал и долго не мог оторвать губ от ее руки, когда же он сел в экипаж, лицо его осветилось детской радостью... Сияющий, счастливый, он уселся поудобней, сделал на прощанье плачущей матушке ручкой и вдруг неожиданно остановил свой взгляд на мне. На лице его появилось выражение крайнего удивления.

– А это что за мальчик? – спросил он.

Матушку, уверявшую меня, что дядюшку бог послал к нам на мое счастье, этот вопрос сильно покоробил. Мне же было не до вопросов. Я глядел на счастливое лицо дяди, и мне почему-то было страшно жаль его. Я не выдержал, вскочил в экипаж и горячо обнял этого легкомысленного и слабого, как все люди, человека. Глядя ему в глаза и желая сказать что-нибудь приятное, я спросил:

– Дядя, вы были хоть раз на войне?

– Ах, милый мальчик... – засмеялся дядя, целуя меня, – милый мальчик, клянусь богом. Так все это естественно, жизненно... клянусь богом...

Коляска тронулась... Я глядел ей вслед и долго слышал это прощальное „клянусь богом“».

Обратим внимание на это мимоходом проброшенное *как все люди*. Чехов помнит табель о рангах (отсюда и заголовки), но не принимает ее во внимание. Он изображает не отставного чиновника, но – человека.

Приятель Чехова А. С. Лазарев-Грузинский вспоминал: «Однажды при мне один из братьев спросил у Чехова:

– Антон, зачем ты написал рассказ „Тайный советник“? Ведь ты же не знаешь ни одного тайного советника!

Чехов ответил спокойно:

– Ну да. Но я знаю действительных статских советников. Не все ли равно?»

Сходным оказывается подход к герою у Л. Андреева, но на остром, злободневном материале.

Действие повести происходит во время революции 1905 года. Генерал отдает приказ о расстреле рабочей забастовки. Убиты сорок семь человек, в том числе трое детей. С вроде незначительного жеста в начале повести («Тогда он разгневался и махнул платком») начинается хроника объявленной смерти: угрозы в письмах, предсказания в разговорах, ожидания неизбежного даже членами семьи. И финальная сцена воспринимается как трагическая неизбежность.

«И сразу стало понятно все: ему – что пришла смерть, им – что он знает об этом.

Губернатор быстро, искоса, огляделся: грязная пустыня площади, с втоптаннами в грязь соломинками сена, глухой забор. Все равно уже поздно. Он вздохнул коротким, но страшно глубоким вздохом и выпрямился – без страха, но и без вызова; но была в чем-то, быть может, в тонких морщинах на большом, старчески мясистом носу, неуловимая, тихая и покорная мольба о пощаде и тоска. Но сам он не знал о ней, не увидели ее и люди. Убит он был тремя непре-рывными выстрелами, слившимися в один сплошной и громкий треск».

«Героем рассказа является не столько губернатор, сколько мистический Закон – Мститель. Задачей автора было <...> показать, как неумолимые Эринии преследуют несчастного преступника», – обнажил смысловой подтекст повести Ю. И. Айхенвальд.

Повести о бедном чиновнике перешагнули императорскую эпоху.

«Коза» (1923) Мих. Зощенко, история коллежского регистратора Забежкина – не негатив, как у Чехова, а точная вариация, калька гоголевской «Шинели». У обоих героев, безнадежно одиноких, затерянных в чужом и чуждом мире чиновного Петербурга, возникает убогая, но теплая мечта (шинель у одного, коза у другого). Она разрушается жестокой реальностью (шинель крадут, коза оказывается чужой). После этого Акакий Акакиевич умирает, а Забежкин исчезает, растворяется в пространстве.

«Я брат твой», – звенят в сознании гоголевского молодого человека слова, которые он будто бы слышал от Башмачкина, обижаемого департаментскими шутниками. «Ну, как, брат Забежкин? – спрашивает в минуту прозрения вытеснивший его из жизни, из сердца Домны Павловны владелец козы. – Ну, терпи, терпи. Русскому человеку невозможно, чтоб не терпеть. Терпи, брат Забежкин».

Подзаголовок «Дьяволиады» (1923) Мих. Булгакова – «Повесть о том, как двойники погубили делопроизводителя» – тоже провоцирует на воспоминания о Гоголе, Достоевском и еще глубже – Гофмане и других романтиках. Какие-то конкретные детали и эпизоды повести можно истолковать в умеренно сатирическом ключе. Герой, несчастный маленький человек, смиренный делопроизводитель Коротков служит в Главцентробазспимате (вот они, неудобоваримые сокращения новой советской эпохи), получает жалованье натурой, видит страшный сон (тоже шар, но совсем другой, увидит в конце «Белой гвардии» Петька Щеглов), встречает загадочного черного кота (ранний предшественник Бегемота), теряет работу и рассудок от пережитых испытаний, а в финале гибнет, так и не поняв, что появляющийся перед ним в самых неожиданных местах начальник Кальсонер имеет брата-близнеца.

Но история делопроизводителя здесь – только повод. В очерке «Столица в блокноте» Булгаков упоминает о «сверхъестественной гофмановской быстроте». Похожий принцип лежит

в основе «Дьяволиады». Не случайно рецензировавший «Дьяволиаду» Е. Замятин отметил, прежде всего, «быструю, как в кино, смену картин».

Фабула повести заменяет тему, динамика «картин» оказывается важнее их смысла, а композиционная организация отодвигает в сторону подразумеваемую гуманную мысль.

«Пантелеймон и Коротков расступились; дверь распахнулась, и по коридору понесся Кальсонер в фуражке и с портфелем под мышкой. Пантелеймон впритруску побежал за ним, а за Пантелеймоном, немного поколебавшись, кинулся Коротков. На повороте коридора Коротков, бледный и взволнованный, проскочил под руками Пантелеймона, обогнал Кальсонера и побежал перед ним задом» – и т. д. (глава 4).

Нагнетание синонимических глаголов движения (их в этом эпизоде около двух десятков) приобретает какой-то азартно-соревновательный характер. Булгаков словно стремится не просто усвоить, а даже превзойти рваный монтаж кинопогони, на котором строились как комическая, так и приключенческая фильма.

Аналогично построен и финал. Какофония звуков (треск выстрелов, стук бильярдных шаров, звон разбитых стекол, крики преследователей), неожиданный «родченковский ракурс» («Коротков подскочил к парапету, влез на него и глянул вниз. Сердце его замерло. Открылись перед ним кровли домов, казавшихся приплюснутыми и маленькими, площадь, по которой ползали трамваи и жучки-народ...») заставляют почти забыть о том, что происходит с потерявшим разум героем.

Последний «кадр» повести – очередная динамическая смена ракурсов, завершающаяся эффектной точкой. «Преследователи были в двух шагах. Уже Коротков видел протянутые руки, уже выскочило пламя из рта Кальсонера. Солнечная бездна поманила Короткова так, что у него захватило дух. С пронзительным победным кликом он подпрыгнул и взлетел вверх. Вмиг перерезало ему дыхание. Неясно, очень неясно он видел, как серое с черными дырами, как от взрыва, взлетело мимо него вверх. Затем очень ясно увидел, что серое упало вниз, а сам он поднялся вверх к узкой щели переулка, которая оказалась над ним. Затем кровавое солнце со звоном лопнуло у него в голове, и больше он ровно ничего не видал» (глава 11).

А завершается наша антология на совсем беззлобной ноте. Куприн из эмигрантской и исторической дали рассказывает забавный анекдот.

«...Порою самому прямому и честному губернатору никак нельзя было обойтись без бутафории, – самокритично признается бывший губернатор. А оттуда, сверху, из Петербурга, с каждой почтой шли предписания, проекты, административные изобретения, маниловские химеры, ноздревские планы. И весь этот чиновничий бред направлялся под мою строжайшую ответственность».

Вот и приходится губернатору к юбилею Отечественной войны заниматься поиском «древних старожилов, которые имели случай видеть Наполеона». А подчиненный готов на все: «Они у меня не только Наполеона, а самого Петра Великого вспомнят!»

Через столетие купринский губернатор посылает привет гоголевскому городничему. «Ведь почему хочется быть генералом? – потому что, случится, поедешь куда-нибудь – фельд-егеря и адъютанты поскачут везде вперед: „Лошадей!“ И там на станциях никому не дадут, все дожидается: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь».

«Как хорошо быть генералом!» – ностальгически спели совсем в иную эпоху. Но тогда появится своя табель о рангах: партийная иерархия, номенклатура.

Живописать советских чиновников – железных наркомов, начальников строительства и лагерей, колхозных председателей и секретарей парткомов – будут уже другие люди.

Игорь Сухих

Вильгельм Карлгоф

Станционный смотритель *Повесть*

Синие воды широкой Камы помчали небольшой паром; прислонясь к перилам, я в раздумье смотрел на оставленный берег; что-то говорило мне: ты уже не увидишь юного края, то роскошного, то пустынного, где богатая природа все производит в больших размерах, где поднебесные горы, широкие, как моря, реки и безбрежные равнины – то пугают, то развлекают, то утомляют взор и воображение. Я прожил два лучшие года моей жизни в степях Киргизских, диких и молчаливых; Иртыш часто бушевал в глазах моих, когда я, увлеченный воспоминанием о далекой Европе, бродил без цели по земляному валу Омска. Не скажу, чтобы весело провел там время; не скажу, чтобы провел его скучно; ибо где нет людей образованных по сердцу и уму? Таких я встретил там, узнал, полюбил и, об них вспоминая, часто и теперь летаю мыслию к мутному Иртышу и к берегам быстрой Оби.

Через полчаса паром ударился о пристань, я спрыгнул на берег и пошел по дороге, поджидая свою бричку. Солнце было высоко, можно было сделать две станции до ночлега, а кого из путешественников не занимает ночлег? Я обратился с расспросами к моему спутнику-купцу, (в одно время со мною выехавшему из Перми) и хорошо знавшему, по его словам, дорогу. «Итак, вы хотите ночевать в О*..? – сказал он. – Если остановитесь у станционного смотрителя, то будете довольны; он, право, такой человек, который обратит на себя ваше внимание, и сверх того, у него вы найдете все нужное». Я был обрадован его словами: как грустно только менять предметы, на мгновение видеть их и не иметь досуга ни обсудить, ни начувствоваться; оттого-то в дальней и скорой дороге человек делается особенного рода автоматом; но не выигрывает от превращения!

Я скакал – и имел удовольствие в 9-м часу пополудни остановиться перед крыльцом хваленого смотрителя. Не могу ничего сказать ни о селении, ни об окрестных видах: ночь была темная, ненастная. Не ночь, а света преставленье! Я чувствовал большую усталость; все члены мои были как разбитые. Поспешно вошел я в комнату и увидел женщину, которой нельзя было дать более 60 лет, окруженную милыми детьми. Опрятность видна была в домашней утвари, в будничных детских платицах, какой-то вкус выказывался в одежде матери. «Вы жена смотрителя?» – сказал я. – «Так-с!» – «Где он?» – «Сейчас будет, я уже послала за ним».

Я попросил чаю; сказал, что, будучи нездоров и чувствуя сильную слабость, решился ночевать у них. Хозяйка вышла; я раскурил трубку и от нечего делать начал рассматривать вещи, которые находились в горнице: здесь висели два ружья отличной работы; тут лоснился шкаф с посудой; там... но я протер прежде глаза, там... так! Шкаф уставленный книгами, читаю сквозь стекла: История Миллота, сочинение Карамзина, Жуковского, его переводы – ниже, романы Жанлис; еще ниже... но это уж верно случайно! Schillers Werke, Goetes Werke, Mendelsohn, Gerder! Над диваном из березового дерева (несравненно опрятнейшим многих диванов, на которых случалось мне сидеть в своей жизни) висели хорошей гравировки саксонские виды; далее, два небольшие портрета: один изображал пожилого человека, довольно неприятной наружности, другой – пожилую женщину, но с такими чертами, которые всегда нравятся последователю Лафатера; легкое сходство с хозяйкою дома дало мне заметить, что последний портрет ей не чужой. Наконец гитара, не красного дерева, без перламутра и золота, оканчивала убранство сей залы и вместе гостиной.

Странно было бы все это найти даже в комнатах какого-нибудь уездного заседателя; и так, можете себе представить, как я был приятно удивлен такою находкою. Признаюсь, я мечтатель, скоро вырвался на волю из тесной комнаты; оседлал привычное воображение и пустился странствовать в волшебных мирах, ни мало не сходных с нашим жалким миром: густой табачный дым, клубясь и расстилаясь вокруг меня, образовывал слои облаков, скрывших все предметы от чувственных глаз моих... от этого, я более и более улетал от земного моего приюта. Вдруг ласковый голос хозяйки, принесшей чай, разочаровал мою мечтательность. «Чай готов!» – сказала она.

– Скажите мне, чья это охота? – начал я, наливая чай в огромную фаянсовую чашку и указывая на шкаф с книгами, – редкость в такой глуши найти вещи, мало употребляемые в самых столицах.

– Это занятие моего мужа, – отвечала она, – а иногда и мое; рассмотрев, вы увидите, что многие из сих книг назначены нашим старшим детям; их обучает отец, и они уже хорошо читают и изрядно пишут.

– Вы более и более меня удивляете; скажите, как согласить склонность, или, объяснюсь точнее, способность вашего мужа к занятиям подобного рода, с должностью им занимаемую?

– Но я не вижу тут ничего удивительного. Человек образованный, не краснея может занимать все возможные должности; всякая должность, более или менее, полезна обществу, следовательно, всякая, более или менее, почтенна. Люди по склонности избирают себе род службы, муж мой по обстоятельствам выбрал настоящую и до сих пор не имел причины раскаиваться в выборе. Милостивый государь, верьте мне, что, отказавшись от честолюбия, от рассеянности больших городов и от злословия маленьких, многим людям недостает только решимости сделаться станционными зрителями... Вы смеетесь? Но я повторяю, что, сделав этот, по-вашему, может быть, неблагоразумный шаг, они подружились бы с человечеством, нашли бы покой сердечный, а внутреннее убеждение, что несмотря на своенравие случая, они еще полезны другим в гражданском быту, заменило бы им все приманки блестящей известности, всю прелесть власти и все выгоды богатства и холодного общества.

– Вы не родились в этом состоянии?

– Может быть...

Тут приход зрителя прервал разговор, сделавшийся для меня столь занимательным.

Во всех движениях станционного зрителя заметно было тонкое приличие, приобретаемое светскою жизнью; он говорил приятно и занимательно, последнее было приобретено наукою. Я с ним скоро познакомился; меня влекло любопытство, он не имел причин таиться от меня, это-то самое перед ужином произвело следующий разговор.

– Судя по чертам лица, я заключаю, что портрет дамы над диваном изображает близкую родственницу вашей жены.

– И если бы вы сказали: «Матери», то отгадали бы. Рассмотрите внимательнее это милое, доброе лицо, – она жила на земле, как могли бы здесь жить только Ангелы, – для одного добра. На устах ее часто сияла улыбка; но чаще всего улыбка сострадания. Я любил ее как прекрасную женщину, как добрую мать, как существо благодетельное.

– Другой портрет изображает отца моей жены; о нем можно сказать, что если Бог создал его человеком, то будем его почитать за человека. Он не верил дружбе, не понимал любви, не знал сострадания, но приличие заставляет меня остановиться, хотя я не оттенил совершенно его изображение.

– Вы умели приобрести мою доверенность, – продолжал он, – и я охотно познакомлю вас короче с собою.

Мой отец был богатый петербургский купец. Он производил большие торговые обороты. Его корабли плавали вдали от нашего северного отечества, а счастье, казалось, закабалилось

к нему. Я был единственный сын счастливого, но не долговременного брака; мать моя скончалась, когда я был еще ребенком, и вся нежность неутешного супруга обратилась на меня.

Отец мой был человек образованный, он почитал необходимостью дать мне приличное воспитание – и я, достигнув юношеских лет, был послан им в Геттингенский университет.

Возвратясь в отечество, я познакомился через моего университетского товарища с отцом моей жены. Первое посещение зажгло в моем сердце ту любовь, которая никогда не потухает. Я был неловок, странен, застенчив; однако, несмотря на это, меня приняли как сына миллионщика, ласкали и пригласили ездить почаще.

Будучи мало занят, я посещал почти через день Надутова (фамилия моего нового знакомого), там встречала меня непринужденная ласковость Лизы и радушный прием почтенной ее родительницы. Напыщенный хозяин дома терпел меня, как богача, который всегда мог ссудить его тысячами. Частые посещения увеличили мою привязанность; я увидел взаимную склонность ко мне милой Лизы. Я был бесконечно счастлив, в сии мгновения пылких надежд, счастливой любви и чистой доверенности к людям.

В это время неблагоприятный для нашей торговли разрыв с Англией, следствие несчастных происшествий в Европе, запер их корабли на пристани Балтийского моря, и англичане поневоле обратились в Америку с требованиями пеньки и сала, которое прежде получали из России. Дешевизна сих товаров, купленных отцом моим за дорогую цену, потрясла его благосостояние: скрепя сердце, он объявил себя банкротом. Дом наш и дача проданы с молотка. Мы переселились на Выборгскую сторону, где огорченный родитель мой вскоре впал в неизлечимую болезнь, которая свела его в могилу.

Я привел в порядок расстроенные дела его, собрал долги, свел счет, удовлетворил остальных займодавцев – и увидел, что от всего огромного, несметного состояния, осталось мне в наследство не более десяти тысяч рублей.

Только по окончании всех дел своих решился я снова показаться в доме Надутова. Доброе имя отца моего осталось незапятнанным, все долги выплачены рубль за рубль, сполна и с процентами; и с какою-то гордостью, отличающею благородную бедность, явился в доме моего давнего знакомого, но прием хозяина был не прежний. Напрасно мать одобряла меня внимательною приветливостью, дочь – блиставшая в глазах любовью, которую уже давно в них прочитал я. Они обе очень были огорчены сухим обращением со мною Надутова. Сердце мое было недовольно, оно хотело вырваться, хотело раскрыться, как вдруг хозяин обратил ко мне слова, которые, как громовые удары, разразились над моею головою.

– Было время, милостивый государь, когда посещения ваши были мне приятны; они делали мне честь; теперь обстоятельства переменились. Вы человек холостой, а я имею взрослую дочь; злословие трубит всем знакомым и незнакомым, что дочь моя находит в вас партию. По моему образу мыслей, я считаю такой брак более чем неприличным, в нем так много комического. Вы ничего не имеете, даже не дворянин, а дочь моя воспитана и с малолетства готовилась для самого лучшего круга; мои сыновья служат в Гвардии; все мои родственники занимают почетные места в гражданской службе. Рассудите сами, приятно ли после этого слышать, что сын бывшего купца, молодой человек, который, вероятно, не останется даже и в купеческом звании, почитается в публике женихом моей дочери. Рассудите сами, не досадно ли мне было слышать, например, как знакомый мне бриллианщик, встретясь со мною, говорит мне, что у него к свадьбе я могу найти по *самой умеренной цене* самые модные вещи. На сих днях, madame R, модная торговка, которая живет в трех шагах от Полицейского моста, предложила мне свои услуги и прислала на выбор несколько дюжин шалей и шляпок. Все это доказывает, что слухи о близкой свадьбе моей Лизы распространился по всему городу. Вы меня понимаете?... покорнейший слуга!..

Я не успел, я не мог отвечать; пораженный, убитый его словами, я только мог чувствовать, чувствовать всю тяжесть безотрадной своей участи. Не знаю, долго ли пробыл я в том

безжизненным состоянии – знаю, что пришел в себя за городом в роще; там гуляли веселые люди, но улыбка их казалась мне холодным эгоизмом, их положение было в такой бесконечной противоположности с моим, что оно возрождало во мне неудовольствие; там резвые дети рвали цветы, гонялись за пестрыми бабочками, это кололо мне сердце; даже в сих играх я видел гений человека, сияющий разрушать лучшие произведения природы: я был недоволен человечеством и был несправедлив, ибо, впоследствии, те же люди подарили мне небесное блаженство, они цветами осыпали путь моей жизни, подружили совесть мою с сердцем и ум с совестью. Посмотрите на милую жену мою, на прекрасных ребятишек: не правда ли, что в этом отношении я счастливее вельможи? Ими цветится жизнь моя, они оживляют те прекрасные мечты, которые мне рисовались в моем детстве; если сердце полно любовью к таким прекрасным созданиям, то в некоторых нет места ни для каких суетливых или дурных чувствований. Счастье семейное прочнее всякого другого, оно основано на чистой любви, как любовь основана на добродетели. Вас растрогала моя повесть, господин офицер!

Вы знаете, читатель, что я воображал остановиться ночевать у станционного смотрителя, у которого, как мне сказали, мог найти радушный прием и сытный ужин; но мог ли, смел ли я ожидать то, что видел, что слышал? Это было уже слишком неожиданно... В сердечном умилении я протянул руки к счастливому отцу семейства, обнял его... И в эту минуту добрая мать и прелестные деточки образовали около меня истинно-трогательную группу. Ты, пылкий мечтатель, столь счастливо владеющий языком богов! Или, ты, пламенный воспитанник древних, наш северный Корреджий! Для чего не были вы зрителями этой картины? Оно раскрыло бы вам истинно изящное: так! это мгновение чистой радости принадлежало живописи и поэзии!

– Моя должность, – говорил мне смотритель, – столь ничтожная в гражданском быту, удовлетворяет всем моим потребностям; она не отвлекает меня от моего семейства, оставляет мне время для обучения детей и освобождает от тех утомительных и скучных знакомств, которые так часто отравляют жизнь городскую. Моя должность часто знакомит меня с новыми людьми; но знакомит на час; все люди мне кажутся лучшими, ибо притворствоваться для всякого человека легче один час, нежели многие годы. Прекрасная сельская природа, рыбная ловля, охота с ружьем, работа в огороде, должность весело занимают меня целый день, а любовь жены и ласка детей очаровывают мою жизнь и равно доступны сердцу. Я так привык к своему незатейливому счастью, что малейшая перемена на лучшее, какая-нибудь новость в моем домашнем быту, заставили бы меня грустить.

Я просил у хозяина позволение ужинать вместе со всем его семейством; он на то охотно согласился. Стол был накрыт в 10 часов, меньшой сын внятно прочитал *Отче наш*; а приветливое приглашение хозяйки предшествовало сытному и здоровому сельскому ужину. Конечно, гастроном не был бы доволен таким столом, где после жирных щей подали студень, а там кусок жаренного, доморощенного тельека с свежепросольными огурцами. Не было ни паштета, ни рагу, ни пудинга; роскошный десерт и старое токайское не лакомили вкуса; но зато добрый русский пенник, настоенный здоровыми травами, поданный милою хозяйкою перед ужином, возродил во мне такой аппетит, какого я давно не имел; зато несносный сосед, – с какими часто скука сажала меня рядом за долгими именинными обедами! – не усыплял меня рассказами о старых новостях и не заставлял зевать выдохшимися суждениями о театре; зато известная охотница до виста и экарте, которая до вечернего стола считает время числом разыгранных ею робертов, не губила, не отравляла злоречием прекрасных минут утоление голода, и никакой брюзгливый лакей не глядел мне в глаза и не заставлял сдавать тарелку прежде, чем мне хочется; мне было просторно, спокойно; хозяин, радушный в приеме, голод дорожного, и на сердце так весело, так легко, так сладко... Ах! для чего такие ужины редки?

Все в доме давно спали, только мы с станционным смотрителем бодрствовали; разговор обратился опять к истории его жизни, и я просил дополнить пустоту в его прежнем рассказе.

– Готов, – отвечал он, – хотя для меня всегда грустно вспоминать о таком времени, когда я, пылкий и неопытный, затаил в сердце ненависть к людям, будучи огорчен одним из чело- веков. Я не был после того ни одного раза у Надутова, но не вырвал из груди того чувства, которое мне делало дом его драгоценным.

В тяжком состоянии совершенного равнодушия, прожил я около трех месяцев; однажды, желая рассеять свою тоску, я бродил по волшебным островам, которыми так богат наш Петер- бург: густые тени падали полосами на землю, высокие деревья, эти гордые памятники про- шедших столетий, сии живые свидетели построения столицы, рисовались в гладком стекле Невы. Я был очарован: то летучею мечтою следил за песнями матросов, которые быстро плыли мимо меня в шлюпке; эхо разносило их голоса по заливу и речкам; то прислушивался к шум- ному говору, который тихим ветром доносился ко мне с гулянья. Человек с радостным сердцем летит в общество, чтоб из тщеславия показать там веселое лицо, лучший признак счастья; но несчастливец, для которого потухла надежда, которого забыли люди и который (другое несча- стие!) был уже раз счастлив, бежит людей: и, может быть, также из тщеславия не хочет рас- крыть гнетущую его тайну перед хладнокровною толпою.

Полнота чувств не скрывается; печаль вырвалась из груди моей, и слезы полились из глаз, я упал на дерновую скамью – вдруг мне стало легче... смотрю кругом: как прежде вершины деревьев наклонялись тихо; ими играл легкий ветерок, вода чешуилась и преломляла прямые лучи жаркого солнца; но мне было легче, какое-то утешение мелькнуло в душе моей; оно изгла- дило на минуту воспоминание о прошедшем; я чувствовал только настоящее... и какое насто- ящее? Богатое, роскошное, блаженное. Любовь произвела это очарование. Девушка, которой в жертву охотно бы принес я все дни моей жизни, всю полноту моих чувств, прислонясь к дереву, смотрела на меня с немym участием; нет! Я не в силах был владеть собою в такие минуты! Я лежал у ног ее, покрывал поцелуями ее руки, жаркие слезы мои капали на них крупными каплями. Когда восторг неожиданного свидания миновал, только тогда я увидел добрую мать ее. Живая радость на лице показывала ее чувства, она понимала любовь нашу и покровитель- ствовала ей. «Друг мой, – сказала она, обратясь ко мне, – будь всем для моей дочери, прими ее руку из рук моих. Я благословляю союз ваш. Но, милая дочь, ты должна знать, что отец твой никогда не согласится на брак твой; ты будешь лишена наследства, а я не могу тебе дать мно- гого. Несмотря на то, как мать, я советую тебе, следовать сердечной склонности, ибо знаю по опыту, что не в раззолоченных комнатах живет счастье; знаю, что любовь супружеская исче- зает там, где тщеславие и роскошь подстилают персидские ковры и расставляют бронзы. Повторяю, следуй своей сердечной склонности, она не обманет тебя. Выбирай: или наслажде- ние большого света, шумные увеселения общества и довольство, которое сделает людей боль- шого круга твоими данниками, или тихое семейное счастье, посредственное состояние и без- известная доля, украшенная любовью любимого человека!» Лиза плакала и ничего не отвечала, лицо ее пылало; она тихо подала мне руку; потом бросилась к матери и скрыла первые слезы любви на груди своего милого поверенного.

– Умалчивая о многом, только для меня любопытном, – продолжал станционной смотри- тель, – скажу вам, что через несколько дней сельский священник обвенчал нас; все к тому было устроено доброю родительницею; но женитьба моя заставляла меня опасаться преследований раздраженного отца, она заставила меня, избегая его мести, выбраться из столицы и разлучила с виновницею нашего благополучия...

Еще заранее запасся я всем, что в глухом уединении могло рассеивать единообразие жизни и приятно питать вкус и ум человека; я не знал только, на что употребить себя в глуши, но чувствовал, что не должно оставаться праздным, ибо считал, что каждый гражданин должен быть полезным отечеству. Добрый мой университетский товарищ, тот самый, который меня познакомил с домом моего тестя, был в настоящем случае для меня необходим; он отыскал два места, равно удовлетворяющие моим требованиям, и предложил на выбор:

быть деревенским учителем в поместьях графа В. или станционным смотрителем в П-ой губернии.

Я выбрал настоящую мою должность.

Здесь в тишине и радостях я живу уже 12 лет; начальство хорошо расположено ко мне, соседи любят; жена подарила меня милыми детьми, до сих пор сопутствовала мне в дороге жизни, как добрый друг. Только смерть незабвенной нашей родительницы напомнила нам, что мы живем в печальном мире, в котором утраты так обыкновенны. Говорить ли мне, что устранение жены моей от наследства не сделало никакого впечатления на жену мою, братья были слишком человеческие люди, чтобы поправить несправедливость отца возвращением сестре ей принадлежащего имущества, это, может быть, к счастью, ибо оставило нас в настоящем состоянии. Мои дети получают воспитание, вероятно, лучше многих других; они найдут хлеб и службу, ибо я не испорчу ни сердца их, ни ума. Чуждый мрачной, адской философии, порожденной вольнодумством прошедшего века и столько пагубной в своих последствиях, я посеял в сердца их христианскую нравственность. Наконец, обеспеченный несколько в своем содержании оставшимися от отца моего деньгами, я с семейством не опасаясь нужды. Бескорыстная любовь, веселое настоящее и сладкие надежды в будущем делают жизнь нашу раем, в котором не достает только вечности...

Когда он окончил рассказ, было давно за полночь. Мы распростились, и я сладко заснул.

Что мне представлялось во сне, того я почти не смею сказать, милая Аглая! То мне виделось, что прекрасная женщина манила меня в тихое уединение, я стремился за нею с тою пламенной страстью, которая заставляет забывать все, исключая любимый предмет: все надежды, все требования честолюбия, все условия света; то я уже видел себя в одежде мирного гражданина: без шпаги, без аксельбанта, без мундира, который люблю страстно и к которому привык, как черепаха к своему черепу; то снилось мне, будто я плыву в челноке с тою же красавицею: цветы на берегах ласкали взоры наши, далее – зеленые поля, осененные рощами; был прекрасный день прекрасного лета, и мы пели гимн любви и счастью. Вдруг пронеслись годы! Долги ли они в дни радостей? Прекрасная женщина все была прекрасна; но лета наложили важность на милое лицо ее; беспечная улыбка сменилась какою-то неизъяснимо-приятною степенностью, которая оттеняет только лицо счастливой матери: эта красота заключала в себе нечто нежное, нечто гордое, нечто неземное. Лета охладили и во мне жар юности, внимая делам житейским, даже мне близким, я всегда оставался равнодушным; но при виде веселых детей, которые, как Амуры, скрывались за розовыми кустами домашнего сада, сердце во мне билось так же, как и в молодости. Не они ли уже, думал я во сне, подарили такую очаровательную прелесть этой прекрасной женщине? Вот, казалось, я уже к ней ближе и ближе... она оглянулась... и что же? Я увидел... тебя, бесценная Аглая!

Это был сладкий сон!

На другой день рано поутру я готов уже был к отъезду. Прощаясь, от души пожелал я *продолжения* милому семейству, сел в бричку; ямщик махнул кнутом, и кони понеслись стрелою. «Я не встречу ничего подобного в моей дороге», – подумал я; потом еще раз оглянулся – станционный смотритель стоял на крыльце и махал мне платком в знак прощания, может быть, *вечно*, жена и дети по-прежнему окружали его. Так, я верю тебе, счастливый Мудрец! Бескорыстная любовь, веселое настоящее и сладкие надежды в будущем превращают грустный мир в веселый рай!

Не правда ли, читатель?

Александр Пушкин

Станционный смотритель

*Коллежский регистратор, Почтовой станции диктатор.
Князь Вяземский*

Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или, по крайней мере, муромским разбойникам? Будем однако справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шутливо князь Вяземский? Не настоящая ли каторга? Покою ни днем ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут – а виноват смотритель. Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей?.. Боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову!

В дождь и слякоть принужден он бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздраженного постояльца. Приезжает генерал; дрожащий смотритель отдает ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Через пять минут – колокольчик!.. и фельдъегерь бросает ему на стол свою дорожную!.. Вникнем во все это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием. Еще несколько слов: в течение двадцати лет сряду извездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени; покамест скажу только, что сословие станционных смотрителей представлено общему мнению в самом ложном виде. Сии столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые. Из их разговоров (коими некстати пренебрегают господа проезжающие) можно почерпнуть много любопытного и поучительного. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю их беседу речам какого-нибудь чиновника 6-го класса, следующего по казенной надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия смотрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, и об нем-то намерен я теперь побеседовать с любезными читателями.

В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию по тракту, ныне уничтоженному. Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и платил прогоны за две лошади. Вследствие сего смотрители со мною не церемонились, и часто брал я с бою то, что, во мнении моем, следовало мне по праву. Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие смотрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде. Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: *чин*

чина почитай, ввелось в употребление другое, например: *ум ума почитай*? Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь к моей повести.

День был жаркий. В трех верстах от станции *** стало накрапывать, и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки. По приезде на станцию первая забота была поскорее переодеться, вторая – спросить себе чаю. «Эй, Дуня! – закричал смотритель, – поставь самовар да сходи за сливками». При сих словах вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сени. Красота ее меня поразила. «Это твоя дочка?» – спросил я смотрителя. «Дочка-с, – отвечал он с видом довольного самолюбия, – да такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать». Тут он принялся переписывать мою подорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю блудного сына. В первой почтенный старик в колпаке и шляфоре отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасет свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шляфоре выбегает к нему навстречу: блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой прочел я приличные немецкие стихи. Все это доныне сохранилось в моей памяти, так же как и горшки с бальзамином, и кровать с пестрой занавескою, и прочие предметы, меня в то время окружавшие. Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зеленый сертук с тремя медалями на полинялых лентах.

Не успел я расплатиться со старым моим ямщиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведенное ею на меня; она потупила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая свет. Я предложил отцу ее стакан пуншу; Дуне подал я чашку чаю, и мы втроем начали беседовать, как будто век были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мне все не хотелось расстаться с смотрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился; отец пожелал мне доброго пути, а дочь проводила до телеги. В сенях я остановился и просил у ней позволения ее поцеловать; Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцелуев,

С тех пор, как этим занимаюсь,

но ни один не оставил во мне столь долгого, столь приятного воспоминания.

Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места. Я вспомнил дочь старого смотрителя и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. Но, подумал я, старый смотритель, может быть, уже сменен; вероятно, Дуня уже замужем. Мысль о смерти того или другого также мелькнула в уме моем, и я приближался к станции *** с печальным предчувствием.

Лошади стали у почтового домика. Вошел в комнату, я тотчас узнал картинки, изображающие историю блудного сына; стол и кровать стояли на прежних местах; но на окнах уже не было цветов, и все кругом показывало ветхость и небрежение. Смотритель спал под тулупом; мой приезд разбудил его; он привстал... Это был точно Самсон Вырин; но как он постарел! Покамест собирался он переписать мою подорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно небритого лица, на сгорбленную спину – и не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика. «Узнал ли ты меня? – спросил я его, – мы с тобою старые знакомые». – «Может статься, – отвечал он угрюмо, – здесь

дорога большая; много проезжих у меня перебивало». – «Здорова ли твоя Дуня?» – продолжал я. Старик нахмурился. «А бог ее знает», – отвечал он. «Так видно она замужем?» – сказал я. Старик притворился, будто бы не слышал моего вопроса, и продолжал пошептом читать мою подорожную. Я прекратил свои вопросы и велел поставить чайник. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш разрешит язык моего старого знакомого.

Я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана. Я заметил, что ром прояснил его угрюмость. На втором стакане сделался он разговорчив; вспомнил или показал вид, будто бы вспомнил меня, и я узнал от него повесть, которая в то время сильно меня заняла и тронула.

«Так вы знали мою Дуню? – начал он. – Кто же и не знал ее? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили ее, та платочком, та сережками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать аль отужинать, а в самом деле только чтоб на нее подолее поглядеть. Бывало, барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает. Поверите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались. Ею дом держался: что прибрать, что приготовить, за всем успевала.

А я-то, старый дурак, не наглажусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житье? Да нет, от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать». Тут он стал подробно рассказывать мне свое горе. Три года тому назад, однажды, в зимний вечер, когда смотритель разлиновывал новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себе платье, тройка подъехала, и проезжий в черкесской шапке, в военной шинели, окутанный шалью, вошел в комнату, требуя лошадей. Лошади все были в разгоне. При сем известии путешественник возвысил было голос и нагайку; но Дуня, привыкшая к таковым сценам, выбежала из-за перегородки и ласково обратилась к проезжему с вопросом: не угодно ли будет ему чего-нибудь покушать? Появление Дуни произвело обыкновенное свое действие. Гнев проезжего прошел; он согласился ждать лошадей и заказал себе ужин. Сняв мокрую, косматую шапку, отпугав шаль и сдернув шинель, проезжий явился молодым, стройным гусаром с черными усиками. Он расположился у смотрителя, начал весело разговаривать с ним и с его дочерью. Подали ужинать. Между тем лошади пришли, и смотритель приказал, чтоб тотчас, не кормя, запрягали их в кибитку проезжего; но, возвратясь, нашел он молодого человека почти без памяти лежащего на лавке: ему сделалось дурно, голова разболелась, невозможно было ехать... Как быть! смотритель уступил ему свою кровать, и положено было, если больному не будет легче, на другой день утром послать в С*** за лекарем.

На другой день гусару стало хуже. Человек его поехал верхом в город за лекарем. Дуня обвязала ему голову платком, намоченным уксусом, и села с своим шитьем у его кровати. Больной при смотрителе охал и не говорил почти ни слова, однако ж выпил две чашки кофе и охая заказал себе обед. Дуня от него не отходила. Он поминутно просил пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленного лимонада. Больной обмакивал губы и всякий раз, возвращая кружку, в знак благодарности слабою своею рукою пожимал Дунюшкину руку. К обеду приехал лекарь. Он пощупал пульс больного, поговорил с ним по-немецки и по-русски объявил, что ему нужно одно спокойствие и что дни через два ему можно будет отправиться в дорогу. Гусар вручил ему двадцать пять рублей за визит, пригласил его отобедать; лекарь согласился; оба ели с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольны друг другом.

Прошел еще день, и гусар совсем оправился. Он был чрезвычайно весел, без умолку шутил то с Дуней, то с смотрителем; насвистывал песни, разговаривал с проезжими, вписывал их подорожные в почтовую книгу, и так полюбился доброму смотрителю, что на третье утро жаль было ему расстаться с любезным своим постояльцем. День был воскресный; Дуня собиралась к обедне. Гусару подали кибитку. Он простился с смотрителем, щедро наградив его за постой и угощение; простился и с Дуней и вызвался довести ее до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла в недоумении... «Чего же ты боишься? – сказал ей отец, – ведь

его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви». Дуня села в кибитку подле гусара, слуга вскочил на облучок, ямщик свистнул, и лошади поскакали.

Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром, как нашло на него ослепление и что тогда было с его разумом. Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, ныть, и беспокойство овладело им до такой степени, что он не утерпел и пошел сам к обедне. Подходя к церкви, увидел он, что народ уже расходился, но Дуни не было ни в ограде, ни на паперти. Он поспешно вошел в церковь: священник выходил из алтаря; дьячок гасил свечи, две старушки молились еще в углу; но Дуни в церкви не было. Бедный отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что не бывала. Смотритель пошел домой ни жив ни мертв. Одна оставалась ему надежда: Дуня по ветрености молодых лет вздумала, может быть, прокатиться до следующей станции, где жила ее крестная мать. В мучительном волнении ожидал он возвращения тройки, на которой он отпустил ее. Ямщик не возвращался. Наконец к вечеру приехал он один и хмелен, с убийственным известием: «Дуня с той станции отправилась далее с гусаром».

Старик не снес своего несчастья; он тут же слег в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик. Теперь смотритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная. Бедняк занемог сильной горячкою; его свезли в С*** и на его место определили на время другого. Тот же лекарь, который приезжал к гусару, лечил и его. Он уверил смотрителя, что молодой человек был совсем здоров и что тогда еще догадывался он о его злобном намерении, но молчал, опасаясь его нагайки. Правду ли говорил немец или только желал похвастаться дальновидностью, но он нимало тем не утешил бедного больного. Едва оправаясь от болезни, смотритель выпросил у С*** почтмейстера отпуск на два месяца и, не сказав никому ни слова о своем намерении, пешком отправился за своею дочерью. Из подорожной знал он, что ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург. Ямщик, который вез его, сказывал, что во всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ехала по своей охоте. «Авось, – думал смотритель, – приведу я домой заблудшую овечку мою». С этой мыслию прибыл он в Петербург, остановился в Измайловском полку, в доме отставного унтер-офицера, своего старого сослуживца, и начал свои поиски. Вскоре узнал он, что ротмистр Минский в Петербурге и живет в Демутовом трактире. Смотритель решился к нему явиться.

Рано утром пришел он в его переднюю и просил доложить его высокоблагородию, что старый солдат просит с ним увидаться. Военный лакей, чистя сапог на колодке, объявил, что барин почивает и что прежде одиннадцати часов не принимает никого. Смотритель ушел и возвратился в назначенное время. Минский вышел сам к нему в халате, в красной скуфье. «Что, брат, тебе надобно?» – спросил он его. Сердце старика закипело, слезы навернулись на глаза, и он дрожащим голосом произнес только: «Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую божескую милость!..» Минский взглянул на него быстро, вспыхнул, взял его за руку, повел в кабинет и запер за собою дверь. «Ваше высокоблагородие! – продолжал старик, – что с возу упало, то пропало; отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню. Ведь вы натешились ею; не погубите ж ее понапрасну». – «Что сделано, того не воротишь, – сказал молодой человек в крайнем замешательстве, – виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения; но не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе ее? Она меня любит; она отвыкла от прежнего своего состояния. Ни ты, ни она – вы не забудете того, что случилось». Потом, сунув ему что-то за рукав, он отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава сверток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти- и десятирублевых смятых ассигнаций. Слезы опять навернулись на глазах его, слезы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком и пошел... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к

извозчику, сел поспешно и закричал: «Пошел!..» Смотритель за ним не погнался. Он решился отправиться домой на свою станцию, но прежде хотел хоть еще раз увидеть бедную свою Дуню. Для сего дни через два воротился он к Минскому; но военный лакей сказал ему сурово, что барин никого не принимает, грудью вытеснил его из передней и хлопнул двери ему под нос. Смотритель постоял, постоял – да и пошел.

В этот самый день, вечером, шел он по Литейной, отслужив молебен у Всех Скорбящих. Вдруг промчались перед ним щегольские дрожки, и смотритель узнал Минского. Дрожки остановились перед трехэтажным домом, у самого подъезда, и гусар вбежал на крыльцо. Счастливая мысль мелькнула в голове смотрителя. Он воротился и, поравнявшись с кучером: «Чья, брат, лошадь? – спросил он, – не Минского ли?» – «Точно так, – отвечал кучер, – а что тебе?» – «Да вот что: барин твой приказал мне отнести к его Дуне записочку, а я и позабудь, где Дуня-то его живет». – «Да вот здесь, во втором этаже. Оpozдал ты, брат, с твоей запиской; теперь уж он сам у нее». – «Нужды нет, – возразил смотритель с неизъяснимым движением сердца, – спасибо, что надоумил, а я свое дело сделаю». И с этим словом пошел он по лестнице.

Двери были заперты; он позвонил, прошло несколько секунд в тягостном для него ожидании. Ключ загремел, ему отворили. «Здесь стоит Авдотья Самсоновна?» – спросил он.

«Здесь, – отвечала молодая служанка, – зачем тебе ее надобно?» Смотритель, не отвечая, вошел в залу. «Нельзя, нельзя! – закричала вслед ему служанка, – у Авдотьи Самсоновны гости». Но смотритель, не слушая, шел далее. Две первые комнаты были темны, в третьей был огонь. Он подошел к растворенной двери и остановился. В комнате, прекрасно убранной, Минский сидел в задумчивости. Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле. Она с нежностью смотрела на Минского, наматывая черные его кудри на свои сверкающие пальцы. Бедный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; он поневоле ею любовался. «Кто там?» – спросила она, не подымая головы. Он все молчал. Не получая ответа, Дуня подняла голову... и с криком упала на ковер. Испуганный Минский кинулся ее подымать и, вдруг увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню и подошел к нему, дрожа от гнева. «Чего тебе надобно? – сказал он ему, стиснув зубы, – что ты за мною всюду крадешься, как разбойник? или хочешь меня зарезать? Пошел вон!» – и, сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу.

Старик пришел к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, махнул рукой и решился отступить. Через два дни отправился он из Петербурга обратно на свою станцию и опять принялся за свою должность. «Вот уже третий год, – заключил он, – как живу я без Дуни и как об ней нет ни слуху ни духу. Жива ли, нет ли, бог ее ведает. Всяко случается. Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голю кабацкою. Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь да пожелаешь ей могилы...»

Таков был рассказ приятеля моего, старого смотрителя, рассказ, неоднократно прерываемый слезами, которые живописно отирал он своею полою, как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева. Слезы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он пять стаканов в продолжение своего повествования; но как бы то ни было, они сильно тронули мое сердце. С ним расставшись, долго не мог я забыть старого смотрителя, долго думал я о бедной Дуне...

Недавно еще, проезжая через местечко^{***}, вспомнил я о моем приятеле; я узнал, что станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена. На вопрос мой: «Жив ли старый смотритель?» – никто не мог дать мне удовлетворительного ответа. Я решился посетить знакомую сторону, взял вольных лошадей и пустился в село Н.

Это случилось осенью. Серенькие тучи покрывали небо; холодный ветер дул с пожатых полей, унося красные и желтые листья со встречных деревьев. Я приехал в село при закате

солнца и остановился у почтового домика. В сени (где некогда поцеловала меня бедная Дуня) вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что старый смотритель с год как помер, что в доме его поселился пивовар, а что она жена пивоварова. Мне стало жаль моей напрасной поездки и семи рублей, издержанных даром. «Отчего ж он умер?» – спросил я пивоварову жену. «Спился, батюшка», – отвечала она. «А где его похоронили?» – «За околицей, подле покойной хозяйки его». – «Нельзя ли довести меня до его могилы?» – «Почему же нельзя. Эй, Ванька! полно тебе с кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище да укажи ему смотрителю могилу».

При сих словах оборванный мальчик, рыжий и кривой, выбежал ко мне и тотчас повел меня за околицу.

– Знал ты покойника? – спросил я его дорогой.

– Как не знать! Он выучил меня дудочки вырезать. Бывало (царство ему небесное!), идет из кабака, а мы-то за ним: «Дедушка, дедушка! орешков!» – а он нас орешками и наделяет. Все, бывало, с нами возится.

– А проезжие вспоминают ли его?

– Да ноне мало проезжих; разве заседатель завернет, да тому не до мертвых. Вот летом проезжала барыня, так та спрашивала о старом смотрителе и ходила к нему на могилу.

– Какая барыня? – спросил я с любопытством.

– Прекрасная барыня, – отвечал мальчишка, – ехала она в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с черной моською; и как ей сказали, что старый смотритель умер, так она заплакала и сказала детям: «Сидите смирно, а я схожу на кладбище». А я было вызвался довести ее. А барыня сказала: «Я сама дорогу знаю». И дала мне пятак серебром – такая добрая барыня!..

Мы пришли на кладбище, голое место, ничем не огражденное, усеянное деревянными крестами, не осененными ни единым деревцом. Отроду не видал я такого печального кладбища.

– Вот могила старого смотрителя-с, – сказал мне мальчик, вспрыгнув на грудку песка, в которую врыт был черный крест с медным образом.

– И барыня приходила сюда? – спросил я.

– Приходила, – отвечал Ванька, – я смотрел на нее издали. Она легла здесь и лежала долго. А там барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром – славная барыня!

И я дал мальчишке пятак и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных.

1830

Николай Гоголь

Ревизор Комедия

*На зеркало неча пенять, коли рожа крива.
Народная пословица*

Действующие лица

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукич Хлопов, смотритель училищ.

Жена его.

Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений.

Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер.

Петр Иванович Добчинский	}	городские помещики.
Петр Иванович Бобчинский		

Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.

Осип, слуга его.

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.

Федор Андреевич Люлюков	}	отставные чиновники, почетные лица в городе.
Иван Лазаревич Растаковский		
Степан Иванович Коробкин		

Степан Ильич Уховертов, частный пристав.

Свистунов	}	полицейские.
Пуговицын		
Держиморда		

Абдулин, купец.

Февронья Петровна Пошлепкина, слесарша.

Жена унтер-офицера.

Мишка, слуга городничего.
Слуга трактирный.
Гости и гости, купцы, мещане, просители.

Характеры и костюмы

Замечания для гг. актеров

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, однако ведет себя очень солидно; довольно сурьезен; несколько даже резонер; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, как у всякого, начавшего тяжелую службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от низости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своем мундире с петлицами и в ботфортах со шпорами. Волоса на нем стриженные с просечью.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, еще не совсем пожилых лет, воспитанная вполнину на романах и альбомах, вполнину на хлопотах в своей кладовой и девицкой. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берет иногда власть над мужем, потому только, что тот не находится, что отвечать ей. Но власть эта распространяется только на мелочи и состоит в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек, лет 23-х, тоненькой, худенькой; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове. Один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит сурьезно; смотрит несколько вниз, резонер и любит самому себе читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре сбарином принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина и потому скорее догадывается, но не любит много говорить и молча плут. Костюм его – серый или синий поношенный сюртук.

Бобчинский и Добчинский, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные; чрезвычайно похожи друг на друга. Оба с небольшими брюшками. Оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше, сурьезнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему дает вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своем значительную мину. Говорит басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом, как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земляника, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек; но при всем том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы их всегда почти находятся пред глазами.

Господа актеры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесенное слово должно произвести электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумленья должен вырваться у всех

женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект.

Действие первое

Комната в доме городничего.

Явление I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие. К нам едет ревизор.

Аммос Федорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписанием.

Аммос Федорович. Вот-те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи боже! еще и с секретным предписанием!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, таких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали – и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель» (*бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами*)... «и уведомить тебя». А! вот: «Спешу между прочим уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (*значительно поднимает палец вверх*). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки...» (*остановясь*) ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякой час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дни я...» Ну, тут уж пошли дела семейные: «... сестра Анна Кириловна приехала к нам с своим мужем; Иван Кирилович очень потолстел и все играет на скрипке...» и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство.

Аммос Федорович. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! (*Вздыхнув.*) До сих пор, благодарение богу, подбирались к другим городам. Теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Федорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эх куда хватили! Еще и умный человек. В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Федорович. Нет, я вам скажу, вы не того... Вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром, что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредил. Смотрите! по своей части я кое-какие распоряженья сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович. Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам

богоугодные заведения – и потому вы сделайте так, чтобы все было прилично. Колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артемий Филиппович. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по-латыне или на другом каком языке... это уж по вашей части, Христиан Иванович, – всякую болезнь, когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой крепкой табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или к неискусству врача.

Артемий Филиппович. О! насчет врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше; лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович *издает звук, отчасти похожий на букву «и» несколько на «е».*

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводить всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то позабывал.

Аммос Федорович. А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь, и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода – это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечен. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах. Можно ему посоветовать есть лук или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович *издает тот же звук.*

Аммос Федорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою.

Городничий. Да я так только заметил вам. Насчет же внутреннего распорядка и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить. Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим богом устроено, и волтерианцы напрасно против этого говорят.

Аммос Федорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками или чем другим, все взятки.

Аммос Федорович. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль.

Городничий. Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? зато вы в Бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я, по крайней мере, в вере тверд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Федорович. Да ведь сам собою дошел, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет

туда: это уж такое завидное место, сам Бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, так, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчет учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с ученым званием. Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу. Вот этак (*делает гримасу*). И потом начнет рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно еще ничего, может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить, но вы посудите сами, если он сделает это посетителю – это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счет. Из этого чёрт знает что может произойти.

Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? я уж несколько раз ему говорил. Вот еще на днях, когда зашел было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда еще не видывал. Он-то ее сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он ученая голова – это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах – еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар. Ей богу! сбежал с кафедры и, что силы есть, хватил стулом об пол. Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч; я ему это несколько раз уже замечал... Говорит: «Как хотите. Для науки я жизни не пощажу».

Городничий. Да. Таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи бог служить по ученой части, всего боишься. Всякой мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы еще ничего. Инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: а вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья? – Ляпкин-Тяпкин. – А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений? – Земляника. – А подать сюда Землянику! Вот что худо.

Явление II

Те же и почтмейстер.

Почтмейстер. Объясните, господа, что, какой чиновник едет?

Городничий. А вы разве не слышали?

Почтмейстер. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну что? как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

Аммос Федорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это все француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то не будет войны с турками.

Городничий. Ну что же, как вы, Иван Кузьмич?

Почтмейстер. Да что я? Как вы, Антон Антоныч?

Городничий. Да что я? страху-то нет, а так, немножко... Купечество да гражданство меня смущает. Говорят, что я им солоно пришелся, а я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти. – Я даже думаю (*берет его под руку и отводит в сторону*), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же в самом деле к нам ревизор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитывать: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или просто переписки.

Если же нет, то можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то, чтоб из предосторожности, а больше из любопытства, – смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение! иное письмо с наслаждением прочтешь. Так описываются разные пассажи... а назидательность какая... Лучше, чем в «Московских Ведомостях»!

Городничий. Ну что ж, скажите: ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

Почтмейстер. Нет, о петербургском ничего нет; а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем. Есть прекрасные места. Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый друг, течет, – говорит, – в эмпиреях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет»... с большим, с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите, прочту?

Городничий. Ну, теперь не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадется жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

Аммос Федорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если бы вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Аммос Федорович. Да, нехорошее дело заварилось! А я, признаюсь, шел было к вам, Антон Антонович, с тем, чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и у другого.

Городничий. Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы. У меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждешь, что вот отворится дверь и – шашь...

Явление III

Те же, Бобчинский и Добчинский, *оба входят запыхавшись*.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Неожданное известие!

Все. Что? что такое?

Добчинский. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу...

Бобчинский (*перебивая*). Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу...

Добчинский (*перебивая*). Э, позвольте, Петр Иванович, я расскажу.

Бобчинский. Э, нет позвольте уж я... позвольте, позвольте... вы уж и слога такого не имеете...

Добчинский. А вы собьетесь и не припомните всего.

Бобчинский. Припомню, ей-богу, припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу. Не мешайте! скажите, господа, сделайте милость, чтоб Петр Иванович не мешал.

Городничий. Да говорите, ради бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! возьмите стулья! Петр Иванович, вот вам стул! (*Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.*) Ну, что, что такое?

Бобчинский. Позвольте, позвольте: я все по порядку. Как только имел я удовольствие выйти от вас после того, как вы изволили смутиться полученным письмом, да-с – так я тогда же забежал... Уж пожалуста, не перебивайте, Петр Иванович. Я уж все, все, все знаю-с. – Так я, вот изволите видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашел вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем...

Добчинский (*перебивая*). Возле будки, где продаются пироги.

Бобчинский. Возле будки, где продаются пироги. Да встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему: «Слышали ли вы о новости-та, которую получил Антон Антонович из достоверного письма?» А Петр Иванович уж услышали об этом от ключницы вашей Авдотьи, которая не знаю за чем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинский (*перебивая*). За бочонком для французской водки.

Бобчинский (*отводя его руки*). За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву... Уж вы, Петр Иванович... еного... не перебивайте, пожалуста, не перебивайте!.. Пошли к Почечуеву, да на дороге Петр Иванович говорит: зайдем, говорит, в трактир. В желудке-то у меня... с утра я ничего не ел, так желудочное трясение... да-с, в желудке-то у Петра Ивановича. А в трактир, говорит, привезли теперь свежей семги, так мы закусим. Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек...

Добчинский (*перебивая*). Недурной наружности, в партикулярном платье...

Бобчинский. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит эдак по комнате, и в лице этакое рассуждение... физиономия... поступки... и здесь (*вертит рукою около лба*) много, много всего. Я будто предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: «Здесь что-нибудь неспроста-с». Да. А Петр-та Иванович уж мигнул пальцем и подозвали трактирщика-с, трактирщика Власа: у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкой мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир. Подозвавши Власа, Петр Иванович и спроси его потихоньку: кто, говорит, этот молодой человек; а Влас и отвечай на это: «Это», – говорит... Э, не перебивайте, Петр Иванович, пожалуста, не перебивайте; вы не расскажете, ей-богу, не расскажете, вы пришепечиваете; у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом... это, говорит, молодой человек чиновник, да-с, едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует: другую уж неделю живет, из трактира не едет, забирает все на счет и ни копейки не хочет платить. Как сказал он мне это, а меня так вот свыше и вразумило. «Э!» – говорю я Петру Ивановичу...

Добчинский. Нет, Петр Иванович, это я сказал: «Э»!

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э! – сказали мы с Петром Ивановичем. – А с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит в Саратовскую губернию?» Да-с! А вот он-то и есть этот чиновник.

Городничий. Кто, какой чиновник?

Бобчинский. Чиновник-та, о котором изволили получить нотицию, ревизор.

Городничий (*в страхе*). Что вы, господь с вами! это не он.

Добчинский. Он! и денег не платит и не едет, кому же б быть, как не ему? и подорожная прописана в Саратов.

Бобчинский. Он, он, ей-богу, он... Такой наблюдательный: все обсмотрел. Увидел, что мы с Петром-то Ивановичем ели семгу, больше потому, что Петр Иванович насчет своего желудка... да. Так он и в тарелки к нам заглянул. Такой осмотрительный, меня так и проняло страхом.

Городничий. Господи, помилуй нас грешных! где же он там живет?

Добчинский. В пятом номере под лестницей.

Бобчинский. В том самом номере, где прошлого года подрались проезжие офицеры.

Городничий. И давно он здесь?

Добчинский. А недели две уж. Приехал на Василья Египтянина.

Городничий. Две недели! (*В сторону.*) Батюшки, сватушки, выносите, святые угодники! в эти две недели высечена унтер-офицерская жена! арестантам не выдавали провизии. На улицах кабак, нечистота. Позор! поношение! (*Хватается за голову.*)

Артемий Филиппович. Что ж, Антон Антонович, ехать парадом в гостиницу.

Аммос Федорович. Нет, нет. Вперед пустить голову, духовенство, купечество; вот и в книге «Деяния Иоанна Масона»...

Городничий. Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, еще даже и спасибо получал; авось бог вынесет и теперь. (*Обращаясь к Бобчинскому.*) Вы говорите, он молодой человек?

Бобчинский. Молодой, лет двадцати трех или четырех с небольшим.

Городничий. Тем лучше: молодого скорее пронюхает. Беда, если старый чёрт, а молодой весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам, или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно, для прогулки, наведаться, не терпят ли проезжающие неприятностей. Эй, Свистунов!

Свистунов. Что угодно?

Городничий. Ступай сейчас за частным приставом, или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно поскорее ко мне частного пристава, и приходи сюда. (*Квартальный бежит впопыхах.*)

Артемий Филиппович. Идем, идем, Аммос Федорович. В самом деле может случиться беда.

Аммос Федорович. Да вам чего бояться? Колпаки чистые надел на больных, да и концы в воду.

Артемий Филиппович. Какое колпаки! Больным велено габерсуп давать, а у меня по всем коридорам несет такая капуста, что береги только нос.

Аммос Федорович. А я на этот счет покоен. В самом деле, кто зайдет в уездный суд? а если и заглянет в какую-нибудь бумагу, так он жизни не будет рад. Я вот уж пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку – а! только рукой махну. Сам Соломон не разрешит, что в ней правда, а что неправда. (*Судья, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ и почтмейстер уходят и в дверях сталкиваются с возвращающимся квартальным.*)

Явление IV

Городничий, Бобчинский, Добчинский и квартальный.

Городничий. Что, дрожки там стоят?

Квартальный. Стоят.

Городничий. Ступай на улицу... или нет, постой! ступай принеси... да другие-то где? неужели ты только один? ведь я приказывал, чтобы и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

Квартальный. Прохоров в частном доме, да только к делу не может быть употреблен.

Городничий. Как так?

Квартальный. Да так: привезли его поутру мертвецки. Вот уже два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Городничий (*хватаясь за голову*). Ах, боже мой, боже мой! ступай скорее на улицу, или нет, беги прежде в комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петр Иванович, поедem.

Бобчинский. И я, и я... позвольте и мне, Антон Антонович.

Городничий. Нет, нет, Петр Иванович, нельзя, нельзя! неловко, да и в дрожки не поместимся.

Бобчинский. Ничего, ничего, я так: петушком, петушком побегу за дрожками. Мне бы только немножко в щелочку-та в дверь эдак посмотреть, как у него эти поступки...

Городничий (*принимая шпагу, к квартальному*). Беги сейчас, возьми десятских, да пусть каждый из них возьмет... Эх шпага как исцарапалась! проклятой купчишка Абдулин: видит, что у городничего старая шпага, не прислал новой. О, лукавый народ! А так, мошенники, я думаю, там уж просьбы из-под полы и готовят. Пусть каждый возьмет в руки по улице, – чёрт возьми, по улице! – по метле, и вывели бы всю улицу, что идет к трактиру, и вывели бы чисто. Слышишь. Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты там кумаешься да крадешь в ботфорты серебряные ложечки, – смотри, у меня ухо остро!.. Что ты сделал с купцом Черняевым, а? он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку. Смотри! не по чину берешь! ступай!

Явление V

Те же и частный пристав.

Городничий. А, Степан Ильич, скажите ради бога, куда вы запропалились? На что это похоже?

Частный пристав. Я был тут сейчас за воротами.

Городничий. Ну, слушайте же, Степан Ильич! Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

Частный пристав. Да так, как вы приказывали. Квартального Пуговицына я послал с десятскими подчищать тротуар.

Городничий. А Держиморда где?

Частный пристав. Держиморда поехал на пожарной трубе.

Городничий. А Прохоров пьян?

Частный пристав. Пьян.

Городничий. Как же вы это так допустили?

Частный пристав. Да бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, – поехал туда для порядка, а возвратился пьян.

Городничий. Послушайте ж, вы сделайте вот что: квартальный Пуговицын... он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную вежу, чтоб было похоже на планировку. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельности градоправителя. Ах, боже мой, я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверный народ: только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор, чёрт их знает откудова и нанесут всякой дряни! (*Вздыхает.*) Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу: довольны ли – чтобы говорили: «Всем довольны, ваше благородие», а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия... О, ох, хо, хо, х! грешен, во многом грешен (берет вместо шляпы футляр), дай только боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О боже мой, боже мой! едем, Петр Иванович! (*Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр.*)

Частный пристав. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа.

Городничий (*бросает ее*). Коробка так коробка. Чёрт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую назад тому пять лет была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что началась строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь позабывшись сдуру скажет, что она и не начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он для порядка всем ставит фонари под глазами: и правому и виноватому. Едем, едем, Петр Иванович (*уходит и возвращается*). Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарница наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет. (*Все уходят.*)

Явление VI

Анна Андреевна и Марья Антоновна вбегают на сцену.

Анна Андреевна. Где ж, где ж они? Ах, боже мой... (*Отворяя дверь.*) Муж! Антоша! Антон! (*Говорит скоро.*) А все ты, а все за тобой. И пошла копать: «Я булавочку, я косынку». (*Подбегает к окну и кричит.*) Антон, куда, куда? что, приехал? ревизор? с усами! с какими усами?

Голос городничего. После, после, матушка.

Анна Андреевна. После? вот новости – после! Я не хочу после... Мне только одно слово: что он, полковник? А? (*С пренебрежением.*) Уехал. Я тебе вспомню это! А все эта: «Маминька, маминька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчас». Вот тебе и сейчас! Вот тебе ничего и не узнали! а все проклятое кокетство, услышала, что почтмейстер здесь, и давай пред зеркалом жеманиться: и с той стороны и с этой стороны подойдет. Воображает, что он за ней волочится, а он просто тебе делает гримасу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна. Да что ж делать, маминька? все равно чрез два часа мы все узнаем.

Анна Андреевна. Чрез два часа! покорнейше благодарю. Вот одолжила ответом. Как ты не догадалась сказать, что чрез месяц еще лучше можно узнать! (*Свешивается в окно.*) Эй, Авдотья! А! что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то... Не слышала? глупая какая! Машет руками? пусть машет, а ты все бы таки его расспросила. Не могла этого узнать! в голове чепуха, все женихи сидят. А? скоро уехали! да ты бы побежала за дрожками. Ступай, ступай сейчас! Слышишь, побегии, расспроси: куда поехали, да расспроси хорошенько, что за приезжий, каков он, слышишь! подсмотри в щелку и узнай все, и глаза какие: черные или нет, и сию же минуту возвращайся назад, слышишь! Скорее, скорее, скорее, скорее. (*Кричит до тех пор, пока не опускается занавес. Так занавес и закрывает их обеих, стоящих у окна.*)

Действие второе

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

Явление I

Осип *лежит на барской постеле*.

Чёрт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот, не доедем да и только домой! что ты прикажешь делать? второй месяц пошел, как уже из Питера! Профинтил дорогою денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя. (*Дразнит его.*) «Эй, Осип, ступай, посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом

деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой. С проезжающим знакомится, а потом в картишки, – вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатах да ешь пироги. Ну кто ж спорит, конечно, если пойдет на правду, так житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеатры, собаки тебе танцуют, и все что хочешь. Разговаривает все на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдешь на Шукин – купцы тебе кричат: «Почтенный!»; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел – ступай в лавочку: там тебе кавалер расскажет про лагеря и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони все видишь. Старуха офицерша забредет; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! (*Усмехается и трясет головою.*) Галантерейное, чёрт возьми, обхождение! Невежливое слова никогда не услышишь, всякой тебе говорит вы. Наскучило идти – берешь извозчика, и сидишь себе, как барин, а не хочешь заплатить ему, – изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А все он виноват.

Что с ним сделаешь? Батюшка пришлет денежки, чем бы их попридержать – и куды!.. пошел кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеатр билет, а там через неделю – глядь, и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз все до последней рубашки спустит, так что на нем всего останется сертучишка да шинелишка, ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублей полтора ста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать, а о брюках и говорить нечего – нипочем идут. А отчего? оттого, что делом не занимается: вместо того, чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту, в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин. Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почесывался. Коли служить, так служи; вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? (*Со вздохом.*) Ах, боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи. Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится, верно, это он идет. (*Поспешино схватывается с постели.*)

Явление II

Осип и Хлестаков.

Хлестаков. На, прими это (*отдает фуражку и тросточку*). А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врешь, валялся; видишь, вся склочена.

Осип. Да на что мне она? не знаю я разве, что такое кровать? у меня есть ноги; я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков (*ходит по комнате*). Посмотри там в картузе, табаку нет?

Осип. Да где ж ему быть, табаку! вы четвертого дня последнее выкурили.

Хлестаков (*ходит и разнообразно сжимает свои губы. Наконец говорит громким и решительным голосом*). Послушай, эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков (*громким, но не столь решительным голосом*). Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков (*голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе*). Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

Осип. Да нет, я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак!

Осип. Да так, все равно хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Хлестаков. Как он смеет не дать? Вот еще вздор!

Осип. Еще, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не платит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой плут. Мы-де, говорит, таких шерамыжников и подлецов видали.

Хлестаков. А ты так уж и рад, скотина, мне все это сейчас пересказывать.

Осип. Говорит: этак всякой приедет, обживется, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобою, чтоб на съезжую да в тюрьму.

Хлестаков. Ну, ну, дурак, полно. Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

Осип. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Хлестаков. На что ж хозяина? ты поди сам скажи.

Осип. Да право, сударь...

Хлестаков. Ну ступай, чёрт с тобой! позови хозяина. (*Осип уходит.*)

Явление III

Хлестаков *один*.

Ужасно как хочется есть. Так немножко прошелся; думал, не пройдет ли аппетит, – нет, чёрт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный капитан сильно поддел меня. Штосы удивительно, бестия, срезывает. Всего каких-нибудь четверть часа посидел – и все обобрал. А при всем том страх хотелось бы с ним еще раз сразиться. Случай только не привел. Какой скверный городишка! В овошенных лавках ничего не дают в долг. Это уж просто подло. (*Насвистывает сначала из Роберта, потом: «Не шей ты мне, матушка», а наконец ни се ни то.*) Никто не хочет идти.

Явление IV

Хлестаков, Осип и трактирный слуга.

Слуга. Хозяин приказал спросить, что вам угодно.

Хлестаков. Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?

Слуга. Слава богу.

Хлестаков. Ну, что, как у вас в гостинице? хорошо ли все идет?

Слуга. Да, слава богу, все хорошо.

Хлестаков. Много проезжающих?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаков. Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так, пожалуйста, поторопи, чтоб поскорее, видишь, мне сейчас после обеда нужно кое-чем заняться.

Слуга. Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать. Он, никак, хотел идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаков. Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? ведь мне нужно есть. Этак могу я совсем отошать. Мне очень есть хочется; я не шутя это говорю.

Слуга. Так-с. Он говорил: «Я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее». Таков уж ответ его был.

Хлестаков. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что ж ему такое говорить?

Хлестаков. Ты растолкуй ему сурьезно, что мне нужно есть. Деньги сами собою... Он думает, что как ему, мужику, ничего, если не поест день, так и другим тоже. Вот новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

Явление V

Хлестаков *один*.

Это скверно, однако ж, если он совсем ничего не даст есть. Так хочется, как еще никогда не хотелось. Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Штаны, что ли, продать? Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме. Жаль, что Иохим не дал на прокат кареты, а хорошо бы, чёрт побери, приехать домой в карете, подкатить эдаким чёртом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади одеть в ливрею. Как бы, я воображаю, все переполошились: «Кто такой, что такое?», а лакей, золотая ливрея, входит (*вытягиваясь и представляя лакея*): «Иван Александрович Хлестаков из Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи, и не знают, что такое значит «прикажете принять». К ним если приедет какой-нибудь гусь помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную. К дочечке какой-нибудь хорошенькой подойдешь: «Сударыня, как я...» (*потирает руки и подшаркивает ножкой*.) Тьфу (*плюет*), даже тошнит, так есть хочется.

Явление VI

Хлестаков, Осип, потом слуга.

Хлестаков. А что?

Осип. Несут обед.

Хлестаков (*прихлопывает в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле*). Несут! несут! несут!

Слуга (*с тарелками и салфеткой*). Хозяин в последний раз уж дает.

Хлестаков. Ну, хозяин, хозяин... Я плевать на твоего хозяина! что там такое?

Слуга. Суп и жаркое.

Хлестаков. Как, только два блюда?

Слуга. Только-с.

Хлестаков. Вот вздор какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это в самом деле такое!.. этого мало.

Слуга. Нет, хозяин говорит, что еще много.

Хлестаков. А соуса почему нет?

Слуга. Соуса нет.

Хлестаков. Отчего же нет! я видел сам, проходя мимо кухни, там много готовилось. И в столовой сегодня поутру двое каких-то коротеньких человека ели семгу и еще много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нет.

Хлестаков. Как нет?

Слуга. Да уже нет.

Хлестаков. А семга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Да это для тех, которые почище-с.

Хлестаков. Ах ты, дурак!

Слуга. Да-с.

Хлестаков. Поросенок ты скверный... Как же они едят, а я не ем? отчего же я, чёрт возьми, не могу так же? разве они не такие же проезжающие, как и я?

Слуга. Да уж известно, что не такие.

Хлестаков. Какие же?

Слуга. Обнаковенно какие! они уж известно: они деньги платят.

Хлестаков. Я с тобою, дурак, не хочу рассуждать; *(наливает суп и ест)* что это за суп? Ты просто воды налил в чашку: никакого вкуса нет, только воняет. Я не хочу этого супа, дай мне другого.

Слуга. Мы примем-с. Хозяин сказал, коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаков *(защипывая рукою кушанье)*. Ну, ну, ну... оставь, дурак; ты привык там обращаться с другими: я, брат, не такого рода! со мной не советую... *(Ест.)* Боже мой, какой суп! *(продолжает есть)* я думаю, еще ни один человек в мире не едал такого супа. Какие-то перья плавают вместо масла. *(Режет курицу.)* Ай, ай, ай, какая курица!.. дай жаркое! там супу немного осталось, Осип, возьми себе. *(Режет жаркое.)* Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что ж такое?

Хлестаков. Чёрт его знает, что такое, только не жаркое. Это топор, зажаренный вместо говядины. *(Ест.)* Мошенники, каналы, чем они кормят? и челюсти заболят, если съешь один такой кусок. *(Ковыряет пальцем в зубах.)* Подлецы! совершенно как деревянная кора, ничем вытащить нельзя, и зубы почернеют после этих блюд, мошенники! *(Вытирает рот салфеткой.)* Больше ничего нет?

Слуга. Нет.

Хлестаков. Каналы! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соус или пирожное. Бездельники! дерут только с проезжающих.

Слуга *убирает и уносит тарелки вместе с Осипом.*

Явление VII

Хлестаков, потом Осип.

Хлестаков. Право, как будто и не ел; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть сайку.

Осип *(входит)*. Там чего-то городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.

Хлестаков *(испугавшись)*. Вот тебе на! Эка бестия трактирщик, успел уже пожаловаться. Что, если в самом деле он потащит меня в тюрьму? Что ж? если благородным образом, я, пожалуй... нет, нет, не хочу. Там в городе таскаются офицеры и народ, а я, как нарочно, задал тону и перемигнулся с одной купеческой дочкой... нет, не хочу. Да что он, как он смеет в самом деле? Что я ему, разве купец или ремесленник? *(Бодрится и выпрямливается.)* Да я ему прямо скажу: как вы смее, как вы?.. *(У дверей вертится ручка; Хлестаков бледнеет и съеживается.)*

Явление VIII

Хлестаков, городничий и Добчинский.

Городничий, вошед, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Городничий *(немного оправившись и протянув руки по швам)*. Желаю здравствовать!

Хлестаков *(кланяется)*. Мое почтение...

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего.

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков *(перебивая, сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко)*. Да что ж делать!.. я не виноват... я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни. *(Добчинский)*

выглядывает из дверей.) Он больше виноват: говядину мне подает такую твердую, как бревно; а суп – он чёрт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морил голодом по целым дням... Чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Городничий (*робея*). Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берет такую. А если что не так, то... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу. Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеете?.. Да вот я... Я служу в Петербурге. (*Гордо.*) Я, я, я...

Городничий (*в сторону*). О, господи ты боже, какой сердитый! все узнал, все рассказали проклятые купцы!

Хлестаков (*храбрясь*). Да вот вы хоть тут со всей своей командой – не пойду! Я прямо к министру! (*Стучит кулаком по столу.*) Что вы? что вы?.

Городничий (*вытянувшись и дрожа всем телом*). Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человека.

Хлестаков. Нет, я не хочу. Вот еще! мне какое дело? Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно! (*Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.*) Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий (*дрожа*). По неопытности, ей-богу, по неопытности. Недостаточность состояния. Сами извольте посудить, казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платя. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу, клевета. Это выдумали злодеи мои; это такой народ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаков. Да что? мне нет никакого дела до них. (*В размышлении.*) Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высечь. До этого вам далеко... Вот еще! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет! Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий (*в сторону*). О, тонкая штука! Эх куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет! Не знаешь, с которой стороны и приняться. Ну, да уж попробовать не куды пошло! что будет, то будет. Попробовать на авось. (*Вслух.*) Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чем другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне займы; я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Городничий (*поднося бумажки*). Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков (*принимая деньги*). Покорнейше благодарю. Я вам тотчас пришлю их из деревни, у меня это вдруг... я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий (*в сторону*). Ну слава богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдет теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четыреста вернул.

Хлестаков. Эй, Осип! (*Осип входит.*) Позови сюда трактирного слугу! (*к городничему и Добчинскому*) а что ж вы стоите? сделайте милость, садитесь; (*Добчинскому*) садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие; а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня... (*Добчинскому.*) Садитесь! (*Городничий и Добчинский садятся, Бобчинский выглядывает в дверь и прислушивается.*)

Городничий (*в сторону*). Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы: прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. (*Вслух.*) Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, я, кроме должности, еще по христианскому человеколюбию хочу, чтоб всякому смертному оказывался хороший прием; и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Городничий (*в сторону*). Да, рассказывай, не знал, чем заплатить! (*Вслух.*) Осмелюсь ли спросить, куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий (*в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение*). В Саратовскую губернию! А? И не покраснеет! О, да с ним нужно ухо остро. (*Вслух.*) Благое дело изволили предпринять... Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчет задержки лошадей. А ведь, с другой стороны, развлечение для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует. Рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал, да сейчас тебе Владимира в петлицу и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

Городничий (*в сторону*). Прошу посмотреть, какие пули отливает! И старика отца приплел! (*Вслух.*) И на долгое время изволите ехать?

Хлестаков. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками? Теперь не те потребности, душа моя жаждет просвещения.

Городничий (*в сторону*). Славно завязал узелок! Врет, врет и нигде не оборвется! А ведь какой невзрачный, низенькой. Кажется, ногтем бы придавил его. Ну да постой! ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать! (*Вслух.*) Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно еще когда будет. (*Окидывает глазами комнату.*) Кажется, эта комната несколько сыра.

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки, кусают.

Городничий. Скажите! такой просвещенный гость, и терпит, от кого же? от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак даже темно в этой комнате?

Хлестаков. Да, совсем темно... Хозяин завел обыкновение не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать – почитать, или придет фантазия сочинить что-нибудь; не могу – темно, темно.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас... но нет, я недостоин.

Хлестаков. А что?

Городничий. Нет, нет, недостоин, недостоин!

Хлестаков. Да что ж такое?

Городничий. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь. Ей-богу, от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется! У меня уж такой нрав: гостеприимство с самого детства; особенно если гость просвещенный человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести. Нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже, я не люблю людей двуличных. Мне очень нравится ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уваженье, уваженье и преданность.

Явление IX

Те же и трактирный слуга, *сопровожаемый* Осипом. Бобчинский *выглядывает в дверь*.

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаков. Да; подай счет.

Слуга. Я уж давеча подал вам другой счет.

Хлестаков. Я уже не помню твоих глупых счетов. Говори, сколько там?

Слуга. Вы изволили в первый день спросить обед, а на другой день только закусили семги и потом пошли все в долг брать.

Хлестаков. Дурак! еще начал высчитывать. Всего сколько следует?

Городничий. Да вы не извольте беспокоиться, он подождет. (*Слуге.*) Пошел вон, тебе пришлют.

Хлестаков. В самом деле, и то правда. (*Прячет деньги.*)

Слуга уходит. В дверь выглядывает Бобчинский.

Явление X

Городничий, Хлестаков, Добчинский.

Городничий. Не угодно ли будет вам осмотреть теперь некоторые заведения в нашем городе, как-то богоугодные и другие?

Хлестаков. А что там такое?

Городничий. А так, посмотрите, какое у нас течение дел... порядок какой...

Хлестаков. С большим удовольствием, я готов.

Бобчинский выставляет голову в дверь.

Городничий. Также если будет ваше желание оттуда в уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Городничий. Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы, – рассмотрите, как у нас содержатся преступники.

Хлестаков. Да зачем же тюрьмы? Уж лучше мы обсмотрим богоугодные заведения.

Городничий. Как вам угодно. Как вы намерены, в своем экипаже или вместе со мною на дрожках?

Хлестаков. Да, я лучше с вами на дрожках поеду.

Городничий (*Добчинскому*). Ну, Петр Иванович, вам теперь нет места.

Добчинский. Ничего, я так.

Городничий (*тихо Добчинскому*). Слушайте: вы побегите, да бегом во все лопатки, и снесите две записки: одну в богоугодное заведение Землянике, а другую жене. (*Хлестакову.*)

Осмелюсь ли я попросить позволения написать в вашем присутствии одну строчку к жене, чтоб она приготовилась к принятию почтенного гостя?

Хлестаков. Да зачем же?. А впрочем, тут и чернила, только бумаги не знаю... Разве на этом счете.

Городничий. Я здесь напишу. *(Пишет и в то же время говорит про себя.)* А вот посмотрим, как пойдет дело после фриштика да бутылки-толстобрюшки! Да есть у нас губернская мадера, неказиста на вид, а слона повалит с ног. Только бы мне узнать, что он такое и в какой мере нужно его опасаться. *(Написавши, отдает Добчинскому, который подходит к двери, но в это время дверь обрывается, и подслушивавший с другой стороны Бобчинский летит вместе с нею на сцену. Все издают восклицания. Бобчинский подымается.)*

Хлестаков. Что? не ушиблись ли вы где-нибудь?

Бобчинский. Ничего, ничего-с, без всякого-с помешательства, только сверж носа небольшая нашлапка. Я забегу к Христиану Ивановичу, у него-с есть пластырь такой, так вот оно и пройдет.

Городничий *(делая Бобчинскому укорительный знак, Хлестакову)*. Это-с ничего. Прошу покорнейше, пожалуйста! а слуге вашему я скажу, чтобы перенес чемодан. *(Осипу.)* Любезнейший, ты перенеси все ко мне, к городничему, тебе всякой покажет. Прошу покорнейше! *(Пропускает вперед Хлестакова и следует за ним, но, оборотившись, говорит с укоризной Бобчинскому.)* Уж и вы! не нашли другого места упасть! и растянулся, как чёрт знает что такое. *(Уходит; за ним Бобчинский. Занавес опускается.)*

Действие третье

Комната первого действия.

Явление I

Анна Андреевна, Марья Антоновна *стоят у окна в тех же самых положениях.*

Анна Андреевна. Ну вот, уж целый час ожидаем, а все ты с своим глупым жеманством: совершенно оделась, нет, еще нужно копаться... Было бы не слушать ее вовсе. Экая досада! как нарочно, ни души! как будто бы вымерло все.

Марья Антоновна. Да право, маминька, чрез минуты две все узнаем. Уж скоро Авдотья должна придти. *(Всматривается в окно и вскрикивает.)* Ах, маминька, маминька! кто-то идет, вон в конце улицы.

Анна Андреевна. Где идет? у тебя вечно какие-нибудь фантазии; ну да, идет. Кто ж это идет? небольшого роста... во фраке... кто ж это? А? это, однако ж, досадно! кто ж бы это такой был?

Марья Антоновна. Это Добчинский, маминька.

Анна Андреевна. Какой Добчинский? тебе всегда вдруг вообразится этакое! совсем не Добчинский. *(Машет платком.)* Эй вы, ступайте сюда! скорее!

Марья Антоновна. Право, маминька, Добчинский.

Анна Андреевна. Ну вот: нарочно, чтобы только поспорить. Говорят тебе, не Добчинский.

Марья Антоновна. А что? а что, маминька? видите, что Добчинский.

Анна Андреевна. Ну да, Добчинский, теперь я вижу; из чего же ты споришь? *(Кричит в окно.)* Скорей, скорей! вы тихо идете. Ну что, где они? А? да говорите же оттуда, все равно. Что? очень строгой? А? а муж, муж? *(Немного отступя от окна, с досадою.)* Такой глупый: до тех пор, пока не войдет в комнату, ничего не расскажет!

Явление II

Те же и Добчинский.

Анна Андреевна. Ну, скажите, пожалуйста: ну, не совестно ли вам? я на вас одних полагаюсь как на порядочного человека: все вдруг выбежали, и вы туда ж за ними! и я вот ни от кого до сих пор толку не доберусь. Не стыдно ли вам! я у вас крестила вашего Ваничку и Лизаньку, а вы вот как со мною поступили!

Добчинский. Ей-богу, кумушка, так бежал засвидетельствовать почтение, что не могу духу перевести. Мое почтение, Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Здравствуйте, Петр Иванович.

Анна Андреевна. Ну, что? ну рассказывайте: что и как там?

Добчинский. Антон Антонович прислал вам записочку.

Анна Андреевна. Ну, да он кто такой? генерал?

Добчинский. Нет, не генерал, а не уступит генералу. Такое образование и важные поступки-с.

Анна Андреевна. А! так это тот самый, о котором было писано мужу.

Добчинский. Настоящий. Я это первый открыл вместе с Петром Ивановичем.

Анна Андреевна. Ну расскажите: что и как?

Добчинский. Да, слава богу, все благополучно. Сначала он принял было Антона Антоновича немного сурово; да-с; сердился и говорил, что и в гостинице все нехорошо, и к нему не поедет, и что он не хочет сидеть за него в тюрьме, но потом, как узнал невинность Антона Антоновича и как покороче разговорился с ним, тотчас переменял мысли, и, славу богу, все пошло хорошо. Они теперь поехали осматривать богоугодные заведения... а то, признаюсь, уже Антон Антонович думали, не было ли тайного доноса; я сам тоже перетрухнул немножко.

Анна Андреевна. Да вам-то чего бояться: ведь вы не служите.

Добчинский. Да так, знаете, когда вельможа говорит, чувствуешь страх.

Анна Андреевна. Ну, что ж... это все, однако ж, вздор; расскажите, каков он собою? что, стар или молод?

Добчинский. Молодой, молодой человек: лет двадцати трех; а говорит совсем так, как старик. Извольте, говорит, я поеду: и туда, и туда... (*размахивает руками*) так это все славно. Я, говорит, и написать и почитать люблю, но мешает, что в комнате, говорит, немножко темно.

Анна Андреевна. А собою каков он: брюнет или блондин?

Добчинский. Нет, больше шантрет, и глаза такие быстрые, как зверки, так в смущенье даже приводят.

Анна Андреевна. Что тут пишет он мне в записке? (*Читает.*) «Спешу тебя уведомить, душенька, что состояние мое было весьма печальное, но, уповая на милосердие божие, за два соленые огурца особенно и полпорции икры рубль двадцать пять копеек...» (*Останавливается.*) Я ничего не понимаю, к чему же тут соленые огурцы и икра?

Добчинский. А, это Антон Антонович писали на черновой бумаге по скорости: там какой-то счет был написан.

Анна Андреевна. А да, точно. (*Продолжает читать.*) «Но уповая на милосердие божие, кажется, все будет к хорошему концу. Приготовь поскорее комнату для важного гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками; к обеду прибавлять не трудись, потому что закусим в богоугодном заведении у Артемия Филипповича. А вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислал самого лучшего; а не то я перерою весь его погреб. Целую, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антон Сквозник-Дмухановский...» Ах, боже мой! Это, однако ж, нужно поскорей! Эй, кто там? Мишка!

Добчинский (*бежит и кричит в дверь*). Мишка! Мишка! Мишка! (*Мишка входит.*)

Анна Андреевна. Послушай: беги к купцу Абдулину... постой, я дам тебе записочку. (*Садится к столу, пишет записку и между тем говорит.*) Эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтоб он побежал с нею к купцу Абдулину и принес оттуда вина. А сам поди сейчас приברי хорошенько эту комнату для гостя. Там поставить кровать, рукомойник и прочее.

Добчинский. Ну, Анна Андреевна, я побегу теперь поскорее посмотреть, как там он обзревает.

Анна Андреевна. Ступайте, ступайте, я не держу вас.

Явление III

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, нам нужно теперь заняться туалетом. Он столичная штучка; боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмел. Тебе приличнее всего надеть твое голубое платье с мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маминька, голубое! мне совсем не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходит в голубом, и дочь Земляники тоже в голубом. Нет, лучше я надену цветное.

Анна Андреевна. Цветное!.. право, говоришь – лишь бы только наперекор. Оно тебе будет гораздо лучше потому, что я хочу надеть палевое; я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ах, маминька, вам нейдет палевое!

Анна Андреевна. Мне палевое нейдет?

Марья Антоновна. Нейдет, я что угодно даю, нейдет: для этого нужно, чтобы глаза были совсем темные.

Анна Андреевна. Вот хорошо, а у меня глаза разве не темные? самые темные. Какой вздор говорит! как же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на треповую даму.

Марья Антоновна. Ах, маминька, вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. (*Поспешно уходит вместе с Марьей Антоновной и говорит за сценою.*) Эдакое вдруг вообразится! червонная дама! бог знает что такое!

По уходе их отворяются двери, и Мишка выбрасывает из них сор. Из других дверей выходит Осип с чемоданом на голове.

Явление IV

Мишка и Осип.

Осип. Куда тут?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда.

Осип. Постой, прежде дай отдохнуть. Ах ты, горемышное житье! на пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дядюшка, скажите: скоро будет генерал?

Осип. Какой генерал?

Мишка. Да барин ваш.

Осип. Барин? да какой он генерал?

Мишка. А разве не генерал?

Осип. Генерал, да только с другой стороны.

Мишка. Что ж это больше или меньше настоящего генерала?

Осип. Больше.

Мишка. Вишь ты как! то-то у нас сумятицу подняли.

Осип. Послушай, малой: ты, я вижу, проворный парень, приготовь-ка что-нибудь поесть.

Мишка. Да для вас, дядюшка, еще ничего не готово; простова блюда вы не будете кушать, а вот как барин ваш сядет за стол, так и вам того же кушанья отпустят.

Осип. Ну, а простова-то, что у вас есть?..

Мишка. Щи, каша да пироги.

Осип. Давай их, щи, кашу и пироги! ничего, все будем есть. Ну, понесем чемодан! что, там другой выход есть?

Мишка. Есть. *(Оба несут чемодан в боковую комнату.)*

Явление V

Квартальные *отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков; за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу, городничий указывает квартальным на полу бумажку – они бегут и снимают ее, толкая друг друга впопыхах.*

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим все в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь доложить вам, градоправители и чиновники больше заботятся о своей то есть пользе; а здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош. Я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поесть. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович *(подбегая)*. Лабардан-с.

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор как я принял начальство, может быть, вам покажется даже невероятным, все, как мухи, выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров, и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность здешнего градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наиумнейший человек пришел бы в затруднение, но, благодарение богу, все идет благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но верите ли, что даже когда ложишься спать, все думаешь: «Господи Боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольное...» Наградит ли оно или нет, конечно, в его воле, по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всем порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж мне больше? ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью все прах и суета.

Артемий Филиппович *(в сторону)*. Эка, бездельник, как расписывает! дал же бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой и стишки выкинутся.

Бобчинский (*Добчинскому*). Справедливо, все справедливо, Петр Иванович. Замечания такие... видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Городничий (*в сторону*). Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (*Вслух.*) Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно: и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападет, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились проклятые. Бог с ними, как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них.

Лука Лукич (*в сторону*). А у меня, подлец, выпонтировал вчера сто рублей.

Городничий. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаков. Ну, нет, вы напрасно однако же... Все зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь тогда, как нужно гнуть от трех углов... ну, тогда конечно... Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

Явление VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Осмелюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Хлестаков (*раскланиваясь*). Как я счастлив, сударыня, что имею в своем роде удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам еще более приятно видеть такую особу.

Хлестаков (*рисуюсь*). Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне еще приятнее.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы это так изволите говорить для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастье; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сию возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счет... Я думаю, вам после столицы вояжировка показалась очень неприятною.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Привыкли жить, comprenez vous, в свете и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества. Если б, признаюсь, не такой случай, который меня... (*посматривает на Анну Андреевну и рисуетсь перед ней*) так вознаградил за все...

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Как можно-с, вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете? вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу в деревне...

Хлестаков. Да, деревня впрочем тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом. Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю. Нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать». Я только на две минуты захожу в департамент с тем только, чтобы сказать: это вот так, это вот так, а там уж чиновник для письма, эдакая крыса, пером только: тр, тр... пошел писать. Хотели было даже меня коллежским ассессором сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит еще на лестнице за мною с щеткою: позвольте, Иван Алексан-

дрович, я вам, говорит, сапоги почищу. (*Городничему.*) Что вы, господа, стоите? пожалуйста, садитесь!

Городничий. Чин такой, что еще можно постоять. Артемий Филиппович. Мы постоим.

Вместе

Лука Лукич. Не извольте беспокоиться.

Хлестаков. Без чинов, прошу садиться. (*Городничий и все садятся.*) Я не люблю церемонии. Напротив, я даже стараюсь всегда проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон говорят, Иван Александрович идет!» А один раз меня приняли даже за главнокомандующего, солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьем. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

Анна Андреевна. Скажите, как!

Хлестаков. Да меня уже везде знают. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» – «Да так, брат, – отвечает бывало, – так как-то все»... Большой оригинал.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? как это должно быть приятно сочинителю. Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: «Женитьба Фигаро», «Роберт Дьявол», «Норма». Уж и названий даже не помню. И все случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец». И тут же в один вечер, кажется, все написал, всех изумил. У меня легкость необыкновенная в мыслях. Все это, что было под именем барона Брамбеуса, «Фрегат Надежды» и «Московский телеграф»... все это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю стихи. Мне Смирдин дает за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский» ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это мое сочинение.

Анна Андреевна. Я сейчас догадалась.

Марья Антоновна. Ах, маминька, там написано, что это г. Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будет спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда, это точно Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. (*Обращаясь ко всем.*) Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепиям даются балы.

Хлестаков. Просто, не говорите. На столе, например, арбуз – в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку – пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякой день на балах. Там у нас и вист свой составился. Министр иностранных дел, французский посланник, немецкий посланник и я. И уж так уморишься играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвертый этаж, скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель»... Что ж я вру, я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница стоит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся. Графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж, ж, ж... Иной раз и министр... (*Городничий и прочие с робостью встают с своих стульев.*) Мне даже на пакетах пишут: ваше превосходительство. Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, куды уехал неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому

занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало: нет, мудрено. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь – просто чёрт возьми. Видят, нечего делать – ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... Можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение, я спрашиваю? «Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате; хотел отказаться, но думаю, дойдет до государя; ну, да и послужной список, тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни!.. уж у меня ухо остро! уж я...» И точно, бывало: прохожу через департамент – просто землетрясение – все дрожит, трясется, как лист. (*Городничий и прочие трясутся от страха; Хлестаков горячится сильнее.*) О! я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет боится. Да что, в самом деле? я такой! Я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: я сам себя знаю, сам. Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... (*Подскальзывается и чуть-чуть не шлепается на пол, но с почтеньем поддерживается чиновниками.*)

Городничий (*подходя и трясясь всем телом, силится выговорить*). А ва-ва-ва... ва.

Хлестаков (*быстрым отрывистым голосом*). Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва... ва.

Хлестаков (*таким же голосом*). Не разберу ничего, все вздор.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть... вот и комната, и все, что нужно.

Хлестаков. Вздор: отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... я доволен, я доволен. (*С декламацией.*) Лабардан! Лабардан! (*Входит в боковую комнату, за ним городничий.*)

Явление VII

Те же, кроме Хлестакова и городничего.

Бобчинский (*Добчинскому*). Вот это, Петр Иванович, человек-то. Вон оно что значит человек. В жисть не был в присутствии такой важной персоны, чуть не умер со страху. Как вы думаете, Петр Иванович, кто он такой в рассуждении чина?

Добчинский. Я думаю, чуть ли не генерал.

Бобчинский. А я так думаю, что генерал-то ему и в подметки не станет! а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус. Слышали: государственный-та совет как прижал. Пойдем, расскажем поскорее Аммосу Федоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинский. Прощайте, кумушка! (*Оба уходят.*)

Артемий Филиппович (*Луке Лукичу*). Страшно просто. А отчего, и сам не знаешь. А мы даже и не в мундире. Ну что, как проспится, да в Петербург махнет донесение. (*Уходит в задумчивости вместе с зрителем училищ, произнеся:*) Прощайте, сударыня!

Явление VIII

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ах, какой приятный!

Марья Антоновна. Ах! милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращение! сейчас можно увидеть столичную штучку. Приемы и все это такое... Ах, как хорошо! я страх люблю таких молодых людей! я просто без памяти. Я однако ж ему очень понравилась: я заметила – все на меня поглядывал.

Марья Антоновна. Ах, маминька, он на меня глядел.

Анна Андреевна. Пожалуста, с своим вздором подальше! Это здесь вовсе неуместно.
Марья Антоновна. Нет, маминька, право.

Анна Андреевна. Ну вот! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя да и полно. Где ему смотреть на тебя? и с какой стати ему смотреть на тебя?

Марья Андреевна. Право, маминька, все смотрел. И как начал говорить о литературе, то взглянул на меня, и потом, когда рассказывал, как играл в вист с посланниками, и тогда посмотрел на меня.

Анна Андреевна. Ну, может быть, один какой-нибудь раз, да и то так уж, лишь бы только. «А, – говорит себе, – дай уж посмотрю на нее».

Явление IX

Те же и городничий.

Городничий (*входит на цыпочках*). Чш... ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничий. И не рад, что напоил. Ну что, если хоть одна половина из того, что он говорил, правда? (*Задумывается.*) Да как же и не быть правде? Подгулявши, человек все несет наружу. Что на сердце, то и на языке. Конечно, прилгнул немного. Да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь. С министрами играет и во дворец ездит... Так вот, право, чем больше думаешь... чёрт его знает, не знаешь, что и делается в голове; просто, как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости, я просто видела в нем образованного светского, высшего тона человека, а о чинах его мне и нужды нет.

Городничий. Ну, уж вы – женщины. Все кончено, одного этого слова достаточно! Вам все – финтирлютки! Вдруг брякнут ни из того, ни из другого словцо. Вас посекут, да и только, а мужа и поминай как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, как будто с каким-нибудь Добчинским.

Анна Андреевна. Об этом я уж советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое... (*Посматривает на дочь.*)

Городничий (*один*). Ну, уж с вами говорить!.. Эка в самом деле оказия! До сих пор не могу очнуться от страха. (*Отворяет дверь и говорит в дверь.*) Мишка, позови квартальных Свистунова и Держиморду: они тут недалеко где-нибудь за воротами. (*После небольшого молчания.*) Чудно все завелось теперь на свете: хоть бы народ-то уж был видный, а то худенькой, тоненькой – как его узнаешь, кто он? Еще военный все-таки кажет из себя, а как наденет фрачишку – ну точно муха с подрезанными крыльями. А ведь долго крепился давеча в трактире. Заламливал такие аллегории и екивоки, что, кажись, век бы не добился толку. А вот наконец и подался. Да еще наговорил больше, чем нужно. Видно, что человек молодой.

Явление X

Те же и Осип. *Все бегут к нему навстречу, кивая пальцами.*

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничий. Чш!.. что? что? спит?

Осип. Нет еще, немножко потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, как тебя зовут?

Осип. Осип, сударыня.

Городничий (*жене и дочери*). Полно, полно вам! (*Осипу.*) Ну что, друг, тебя накормили хорошо?

Осип. Накормили, покорнейше благодарю, хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну что, скажи: к твоему барину слишком, я думаю, много ездит графов и князей?

Осип (*в сторону*). А что говорить! коли теперь накормили хорошо, значит, после еще лучше накормят. (*Вслух.*) Да, бывают и графы.

Марья Антоновна. Душенька Осип, какой твой барин хорошенькой!

Анна Андреевна. А что, скажи, пожалуйста, Осип, как он...

Городничий. Да перестаньте, пожалуйста! Вы такими пустыми речами только мне мешаете. Ну что, друг?..

Анна Андреевна. А чин какой на твоём барине?

Осип. Чин обыкновенно какой.

Городничий. Ах, боже мой, вы все с своими глупыми расспросами! не дадите ни слова поговорить о деле. Ну что, друг, как твой барин?.. строг? любит этак распекать или нет?

Осип. Да, порядок любит. Уж ему чтобы все было в исправности.

Городничий. А мне очень нравится твое лицо! друг, ты должен быть хороший человек. Ну что...

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а как барин твой, там, в мундире ходит, или...

Городничий. Полно вам, право, трещотки какие. Здесь нужная вещь. Дело идет о жизни человека... (*К Осипу*) ну, что, друг, право, мне ты очень нравишься. В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик; оно теперь холодновато. Так вот тебе пара целковиков на чай.

Осип (*принимая деньги*). А покорнейше благодарю, сударь. Дай бог вам всякого здоровья; бедный человек, помогли ему.

Городничий. Хорошо, хорошо, я и сам рад. А что, друг...

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а какие глаза больше всего нравятся твоему барину?..

Марья Антоновна. Осип, душенька! какой миленькой носик у твоего барина!

Городничий. Да постойте, дайте мне!.. (*к Осипу.*) А что, друг, скажи, пожалуйста: на что больше барин твой обращает внимание, то есть что ему в дороге больше нравится?

Осип. Любит он, по рассмотрению, что как придется. Больше всего любит, чтобы его приняли хорошо, угощение чтоб было хорошее.

Городничий. Хорошее?

Осип. Да, хорошее. Вот уж на что я, крепостной человек, но и то смотрит, чтобы и мне было хорошо. Ей-богу! бывало, заедем куда-нибудь: «Что, Осип, хорошо тебя угостили?» – «Плохо, ваше высокоблагородие!» – «Э, говорит, это, Осип, нехороший хозяин. Ты, говорит, напомни мне, как приеду». – «А, – думаю себе (*махнув рукою*), – бог с ним! я человек простой».

Городничий. Хорошо, хорошо, и дело ты говоришь. Там я тебе дал на чай, так вот еще сверх того на баранки.

Осип. За что жалуете, ваше высокоблагородие? (*прячет деньги*) разве уж выпью за ваше здоровье.

Анна Андреевна. Приходи, Осип, ко мне! тоже получишь.

Марья Антоновна. Осип, душенька, поцелуй своего барина!

Слышен из другой комнаты небольшой кашель Хлестакова.

Городничий. Чш! (*Поднимается на цыпочки. Вся сцена вполголоса.*) Боже вас сохрани шуметь! идите себе! полно уж вам...

Анна Андреевна. Пойдем, Машинька! я тебе скажу, что я заметила у гостя, такое, что нам вдвоем только можно сказать.

Городничий. О, уж там наговорят! я думаю, поди только да послушай! и уши потом заткнешь. (*Обращаясь к Осипу.*) Ну, друг...

Явление XI

Те же, Держиморда и Свистунов.

Городничий. Чш! экие косолапые медведи стучат сапогами! так и валится, как будто сорок пуд сбрасывает кто-нибудь с телеги! Где вас чёрт таскает?

Держиморда. Был по приказанию...

Городничий. Чш! (*закрывает ему рот*). Эх как каркнула ворона! (*дразнит его*) был по приказанию! Как из бочки, так рычит! (*К Осипу.*) Ну, друг, ты ступай приготовляй там, что нужно для барина. Все, что ни есть в доме, требуй. (*Осип уходит.*) А вы – стоять на крыльце и ни с места! И никого не впускать в дом стороннего, особенно купцов! Если хоть одного из них впустите, то... Только увидите, что идет кто-нибудь с просьбою, а хоть и не с просьбою, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, то взашей так прямо и толкайте! так его! хорошенько! (*показывает ногою*) слышите? чш... чш... (*Уходит на цыпочках вслед за квартальными.*)

Действие четвертое

Та же комната в доме городничего.

Явление I

Входят осторожно, почти на цыпочках: Аммос Федорович, Артемий Филиппович, почтмейстер, Лука Лукич, Добчинский и Бобчинский, в полном параде и мундирах.

Вся сцена происходит вполголоса.

Аммос Федорович (*строит всех полукругом*). Ради бога, господа, скорее в кружок, да побольше порядку! Бог с ним: и во дворец ездит, и государственный совет распекает! Стройтесь. На военную ногу, непременно на военную ногу. Вы, Петр Иванович, забежите с этой стороны, а вы, Петр Иванович, станьте вот тут. (*Оба Петра Ивановича забегают на цыпочках.*)

Артемий Филиппович. Воля ваша, Аммос Федорович, нам нужно бы кое-что предпринять.

Аммос Федорович. А что именно?

Артемий Филиппович. Ну известно, что.

Аммос Федорович. Подсунуть?

Артемий Филиппович. Ну да, хоть и подсунуть.

Аммос Федорович. Опасно, чёрт возьми, раскричится: государственный человек. А разве в виде приношения со стороны дворянства на какой-нибудь памятник?

Почтмейстер. Или же вот, мол, пришли по почте деньги, неизвестно кому принадлежащие.

Артемий Филиппович. Смотрите, чтоб он вас по почте не отправил куды-нибудь подальше. Слушайте, эти дела не так делаются в благоустроенном государстве. Зачем нас здесь целый эскадрон? Представиться нужно поодиночке, да между четырех глаз и того... как там следует; чтобы и уши не слыхали. Вот как в обществе благоустроенном делается. Ну вот вы, Аммос Федорович, первый и начните.

Аммос Федорович. Так лучше ж вы, в вашем заведении высокий посетитель вкусил хлеба.

Артемий Филиппович. Так уж лучше Луке Лукичу, как просветителю юношества.

Лука Лукич. Не могу, не могу, господа. Я, признаюсь, так воспитан, что заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет, и язык как в грязь завязнул. Нет, господа, увольте, право, увольте.

Артемий Филиппович. Да, Аммос Федорович, кроме вас, некому. У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел.

Аммос Федорович. Что вы, что вы: Цицерон! смотрите, что выдумали. Что иной раз увлечешься, говоря о домашней своре или гончей ищейке...

Все *(пристают к нему)*. Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении... Нет, Аммос Федорович, не оставляйте нас, будьте отцом нашим!.. Нет, Аммос Федорович.

Аммос Федорович. Отвяжитесь, господа! *(В это время слышны шаги и откашливание в комнате Хлестакова. Все спешат наперерыв к дверям, толпятся и стараются выйти, что происходит не без того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицания.)*

Голос Бобчинского. Ой, Петр Иванович, Петр Иванович! наступили на ногу!

Голос Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяние, совсем прижали.

(Выватываются несколько восклицаний: ай, ой! наконец все выпираются, и комната остается пуста.)

Явление II

Хлестаков один, выходит с заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин; даже вспотел. Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностию проводить время. Я люблю радушие, и мне, признаюсь, больше нравится, если мне угождают от чистого сердца, а не то, чтобы из интереса. А дочка городничего очень недурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нет, я не знаю, а мне, право, нравится такая жизнь.

Явление III

Хлестаков и Аммос Федорович.

Аммос Федорович *(входя и останавливаясь, про себя)*. Боже, боже! вынеси благополучно; так вот коленки и ломает. *(Вслух, вытянувшись и придерживая рукою ипагу.)* Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский ассессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

Аммос Федорович. С 816-го был избран на трехлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. А выгодно однако же быть судьей?

Аммос Федорович. За три трехлетия представлен к Владимиру 4-й степени с одобрения со стороны начальства. *(В сторону.)* А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

Хлестаков. А мне нравится Владимир. Вот Анна 3-й степени уже не так.

Аммос Федорович *(высовывая понемногу вперед сжатый кулак. В сторону)*. Господи боже, не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков. Что это у вас в руке?

Аммос Федорович *(потерявшись и роняя на пол ассигнации)*. Ничего-с.

Хлестаков. Как ничего? Я вижу, деньги упали?

Аммос Федорович *(дрожа всем телом)*. Никак нет-с. *(В сторону.)* О боже! вот уж я и под судом! и тележку подвезли схватить меня.

Хлестаков (*подымая*). Да, это деньги.

Аммос Федорович (*в сторону*). Ну, все кончено: пропал! пропал!

Хлестаков. Знаете ли что, дайте их мне займы...

Аммос Федорович (*поспешно*). Как же-с, как же-с... с большим удовольствием. (*В сторону*.) Ну смелее, смелее! вывози, Пресвятая Матерь.

Хлестаков. Я, знаете, в дороге издержался: то да се... впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

Аммос Федорович. Помилуйте! как можно! и без того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству... постараюсь заслужить... (*Приподымается со стула, вытянувшись и руки по швам*.) Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Хлестаков. Какого приказанья?

Аммос Федорович. Я разумею, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду?

Хлестаков. Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нем надобности.

Аммос Федорович (*раскланиваясь и уходя, в сторону*). Ну, город наш!

Хлестаков (*по уходе его*). Судья – хороший человек!

Явление IV

Хлестаков и почтмейстер (*входит, вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу*).

Почтмейстер. Имею честь представиться: почтмейстер, надворный советник Шпекин.

Хлестаков. А! милости просим. Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Ведь вы здесь всегда живете?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно – ну, что ж? Ведь это не столица. Не правда ли, ведь это не столица?

Почтмейстер. Совершенная правда.

Хлестаков. Ведь это только в столице бон-тон и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. (*В сторону*.) А он, однако ж, ничуть не горд; обо всем расспрашивает.

Хлестаков. А ведь, однако ж, признайтесь, ведь и в маленьком городке можно прожить счастливо.

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. По моему мнению, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно – не правда ли?

Почтмейстер. Совершенно справедливо.

Хлестаков. Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер. (*Глядя в глаза ему, говорит про себя*.) А попрошу-ка я у этого почтмейстера займы. (*Вслух*.) Какой странный со мною случай: в дороге совершенно издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей займы?

Почтмейстер. Почему же? почту за величайшее счастье. Вот-с, извольте. От души готов служить.

Хлестаков. Очень благодарен. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себе в дороге, да и к чему? Не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. (*Встает, вытягивается и придерживает шпагу*.) Не смею более беспокоить своим присутствием... Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

Хлестаков. Нет, ничего.

(Почтмейстер раскланивается и уходит.)

Хлестаков *(раскуривая сигарку)*. Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек. По крайней мере услужлив; я люблю таких людей.

Явление V

Хлестаков и Лука Лукич, который почти выталкивается из дверей. Сзади его слышен голос почти вслух: «Чего робеешь?»

Лука Лукич *(вытягиваясь не без трепета и придерживая шпагу)*. Имею честь представиться: смотритель училищ, титулярный советник Хлопов.

Хлестаков. А, милости просим. Садитесь, садитесь. Не хотите ли сигарку? *(Подает ему сигару.)*

Лука Лукич *(про себя в нерешимости)*. Вот тебе раз! Уж этого никак не предполагал. Брать или не брать?

Хлестаков. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что в Петербурге. Там, батюшка, я куривал сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка, просто ручки потом себе поцелуешь, как выкуришь. Вот огонь, закурите. *(Подает ему свечу.)*

Лука Лукич *пробует закурить и весь дрожит.*

Хлестаков. Да не с того конца.

Лука Лукич *(от испуга выронил сигару, плюнул и махнув рукою, про себя)*. Чёрт побери все! сгубила проклятая робость!

Хлестаков. Вы, как я вижу, не охотник до сигарок. А я признаюсь: это моя слабость. Вот еще насчет женского полу, никак не могу быть равнодушен. Как вы? Какие вам больше нравятся, брюнетки или блондинки?

Лука Лукич *находится в совершенном недоумении, что сказать.*

Хлестаков. Нет, скажите откровенно, брюнетки или блондинки?

Лука Лукич. Не смею знать.

Хлестаков. Нет, нет, не отговаривайтесь. Мне хочется узнать непременно ваш вкус.

Лука Лукич. Осмелюсь доложить... *(В сторону.)* Ну, и сам не знаю, что говорю.

Хлестаков. А! а! не хотите сказать. Верно, уж какая-нибудь брюнетка сделала вам маленькую загвоздочку. Признайтесь, сделала?

Лука Лукич *молчит.*

Хлестаков. А! а! покраснели, видите, видите! Отчего ж вы не говорите?

Лука Лукич. Оробел, ваше бла... преос... сият... *(В сторону.)* Продал проклятый язык, продал!

Хлестаков. Оробели? А в моих глазах точно есть что-то такое, что внушает робость. По крайней мере я знаю, что ни одна женщина не может их выдержать; не так ли?

Лука Лукич. Так точно-с.

Хлестаков. Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Лука Лукич *(хватается за карманы, про себя)*. Вот-те штука, если нет! Есть, есть. *(Внимает и подает, дрожа, ассигнации.)*

Хлестаков. Покорнейше благодарю.

Лука Лукич. Не смею долее беспокоить присутствием.

Хлестаков. Прощайте.

Лука Лукич (*летит вон почти бегом и говорит в сторону*). Ну, слава богу! авось не заглянет в классы.

Явление VI

Хлестаков и Артемий Филиппович, *вытянувшись и придерживая шпагу*.

Артемий Филиппович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я, признаюсь, это моя слабость: люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филиппович. Очень может быть. (*Помолчав.*) Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. (*Придвигается ближе с своим стулом и говорит вполголоса.*) Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был пред моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак, и поведения, если признаться пред вами, конечно для пользы отечества, я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, поведения самого предосудительного: здесь есть один помещик Добчинский, которого вы изволили видеть, и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов... и нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите пожалуйста! а я никак этого не думал.

Артемий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища. Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность. Он хуже, чем якобинец, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, эдак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? я все позабываю.

Артемий Филиппович. Земляника.

Хлестаков. А, да, Земляника. И что ж, скажите, пожалуйста, есть у вас детки?

Артемий Филиппович. Как же-с, пятеро; двое уже взрослых.

Хлестаков. Скажите: взрослых! а как они... как они того?..

Артемий Филиппович. То есть не изволите ли вы спрашивать, как их зовут?

Хлестаков. Да, как их зовут?

Артемий Филиппович. Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаков. Это хорошо.

Артемий Филиппович. Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать времени, определенного на священные обязанности... (*Раскланивается с тем, чтобы уйти.*)

Хлестаков (*проходя*). Нет, ничего. Это все очень смешно, что вы говорили. Пожалуйста, и в другое тоже время... Я это очень люблю. (*Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.*) Эй вы! как вас? я все позабываю, как ваше имя и отчество.

Артемий Филиппович. Артемий Филиппович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артемий Филиппович, со мной странный случай: в дороге совершенно издержался. Нет ли у вас денег взаймы рублей четыреста?

Артемий Филиппович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как кстати. Покорнейше вас благодарю.

Явление VII

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Петр Иванов сын, Бобчинский.

Добчинский. Помещик Петр Иванов сын, Добчинский.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали; что, как ваш нос?

Бобчинский. Слава богу! не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Хлестаков. Хорошо, что присох. Я рад... (*Вдруг и отрывисто.*) Денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков (*громко и скоро*). В займы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Петр Иванович?

Добчинский. При мне-с не имеется. Потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения.

Хлестаков. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Бобчинский (*шаря в карманах.*) У вас, Петр Иванович, нет ста рублей? У меня всего сорок ассигнациями.

Добчинский (*смотря в бумажник*). Двадцать пять рублей всего.

Бобчинский. Да вы поищите-то получше, Петр Иванович! У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха, так в прореху-то верно как-нибудь запали.

Добчинский. Нет, право, и в прорехе нет.

Хлестаков. Ну, все равно. Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей. Это все равно. (*Принимает деньги.*)

Добчинский. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

Хлестаков. А что это?

Добчинский. Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите видеть, рожден мною еще до брака.

Хлестаков. Да?

Добчинский. То есть оно так только говорится, а он рожден мною так совершенно, как бы и в браке, и все это, как следует, я завершил потом законными-с узами супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтоб он теперь уже был совсем то есть законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с.

Хлестаков. Хорошо, пусть называется! Это можно.

Добчинский. Я бы и не беспокоил вас, да жаль насчет способностей. Мальчишка-то этакой... большие надежды подает: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадет ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с. Вот и Петр Иванович знает.

Бобчинский. Да, большие способности имеет.

Хлестаков. Хорошо, хорошо: я об этом постараюсь, я буду говорить... я надеюсь... все это будет сделано, да, да. (*Обращаясь к Бобчинскому.*) Не имеете ли и вы чего-нибудь сказать мне?

Бобчинский. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Хлестаков. А что, о чем?

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство или превосходительство,

живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да если этак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Добчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Бобчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Хлестаков. Ничего, ничего. Мне очень приятно. *(Выпровождает их.)*

Явление VIII

Хлестаков *один*.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачье! напишу-ка я обо всем в Петербург к Тряпичкину. Он пописывает статейки. Пусть-ка он их обшелкает хорошенько. Эй, Осип! подай мне бумагу и чернила! *(Осип выглянул из дверей, произнесши: «Сейчас».)* А уж Тряпичкину точно, если кто попадет на зубок, – берегись, отца родного не пощадит для словца и денгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти – добрые люди: это с их стороны хорошая черта, что они мне дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста. Это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот... какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот!.. Ого! за тысячу перевалило... Ну-ка теперь, капитан! ну-ка, попадись-ка ты мне теперь. Посмотрим, кто кого!

Явление IX

Хлестаков и Осип, с *чернилами и бумагою*.

Хлестаков. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают! *(Начинает писать.)*

Осип. Да, слава богу! только знаете что, Иван Александрович?

Хлестаков *(пишет)*. А что?

Осип. Уезжайте отсюда. Ей-богу, уже пора.

Хлестаков *(пишет)*. Вот вздор! зачем?

Осип. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька, ну – и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! неровен час: какой-нибудь другой наедет. Ей-богу, Иван Александрович! а лошади тут славные: так бы закатали!..

Хлестаков *(пишет)*. Нет. Мне еще хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Осип. Да что завтра! Ей-богу, поедem, Иван Александрович. Оно хоть и большая тут честь вам, да все, знаете, лучше уехать скорее... Ведь вас, право, за кого-то другого приняли, и батюшка будет гневаться за то, что так замешкались... так бы, право, закатали славно! а лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков *(пишет)*. Ну хорошо. Отнеси только наперед это письмо, пожалуй, вместе и подорожную возьми. Да зато смотри, чтоб лошади хорошие были. Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря катили! и песни бы пели!.. *(Продолжает писать.)* Воображаю, Тряпичкин умрет со смеху...

Осип. Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтоб не прошло понапрасну время.

Хлестаков *(пишет)*. Хорошо. Принеси только свечу.

Осип (*выходит и говорит за сценой*). Эй, послушай, брат! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтоб он принял без денег, да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит. Прогон, мол, скажи, казенный. Да чтоб все живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлестаков (*продолжает писать*). Любопытно знать: где он теперь живет – в Почтамтской или Гороховой? Он ведь тоже любит часто переезжать с квартиры и не доплачивать. Напишу наудалую в Почтамтскую. (*Свертывает и надписывает.*)

Осип *приносит свечу.*

(*Хлестаков печатает. В это время слышен голос Держиморды: «Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено пускать».*)

Хлестаков (*дает Осипу письмо*). На, отнеси.

Голос купцов. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить. Мы за делом пришли.

Голос Держиморды. Пошел, пошел! Не принимает, спит.

Шум увеличивается.

Хлестаков. Что там такое, Осип? Посмотри, что за шум.

Осип (*глядя в окно*). Купцы какие-то хотят войти, да не допускает квартальный. Машут бумагами, верно, вас хотят видеть.

Хлестаков (*подходя к окну*). А что вы, любезные?

Голоса купцов. К твоей милости прибегаем. Прикажи, государь, просьбу принять.

Хлестаков. Впустите их, впустите! пусть идут, Осип, скажи им: пусть идут. (*Осип уходит.*)

Хлестаков (*принимает из окна просьбы, разворачивает одну из них и читает*). «Его высокоблагородному светлости господину финансову от купца Абдулина»... Чёрт знает что: и чина такого нет!

Явление X

Хлестаков и купцы, *с кузовом вина и сахарными головами.*

Хлестаков. А что вы, любезные?

Купцы. Челом бьем вашей милости.

Хлестаков. А что вам угодно?

Купцы. Не губи, государь! обиительство терпим совсем понапрасну.

Х л е с т а к о в. От кого?

Один из купцов. Да все от городничего здешнего. Такого городничего никогда еще, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит: «Ах ты, татарин!» Ей-богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважали его; а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платья супружнице его и дочке – мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего мало – ей-ей! Придет в лавку и, что ни попадет, все берет: сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконцо: снеси-ка его ко мне». Ну и несешь, а в штуке-та будет без мала аршин пятьдесят.

Хлестаков. Неужели? Ах, какой же он мошенник!

Купцы. Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так все и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь,

ни в чем не нуждается. Нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Чтоб делать? и на Онуфрия несешь.

Хлестаков. Да это просто разбойник.

Купцы. Ей, ей! А попробуй прекословить, наведет к тебе в дом целый полк на постой. А если что, велит запереть двери: я тебя не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать – это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селедки!

Хлестаков. Ах, какой мошенник! Да за это просто в Сибирь.

Купцы. Да уж куда милость твоя ни запровадит его, все будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью: кланяемся тебе сахарцом и кузовком вина.

Хлестаков. Нет, вы этого не думайте: я не беру совсем никаких взяток. Вот, если бы вы, например, предложили мне займы рублей триста, ну тогда совсем дело другое: займы я могу взять.

Купцы. Изволь, отец наш. (*Вынимают деньги.*) Да что триста! уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Хлестаков. Извольте: займы – я ни слова: я возьму.

Купцы (*подносят ему на серебряном подносе деньги*). Уж, пожалуйста, и подносик вместе возьмите.

Хлестаков. Ну, и подносик можно.

Купцы (*кланяясь*). Так уж возьмите за одним разом и сахарцу.

Хлестаков. О, нет: я взятки никаких...

Осип. Ваше высокоблагородие! зачем вы не берете? Возьмите! в дороге все пригодится. Давай сюда головы и кулек! подавай все! все пойдет в прок. Что там? веревочка? давай и веревочку! и веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое – подвязать можно.

Купцы. Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство. Если уже вы, то есть, не можете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Хлестаков. Непременно, непременно. Я постараюсь.

(*Купцы уходят; слышен голос женщины: «Нет, ты не смеешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!»*)

Хлестаков. Кто там? (*Подходит к окну.*) А, что ты, матушка?

Голоса двух женщин. Милости твоей, отец, прошу! повели, государь, выслушать.

Хлестаков (*в окно*). Пропустить ее.

Явление XI

Хлестаков, слесарша и унтер-офицерша.

Слесарша (*кланяясь в ноги*). Милости прошу!

Унтер-офицерша. Милости прошу...

Хлестаков. Да что вы за женщины?

Унтер-офицерша. Унтер-офицерская жена Иванова.

Слесарша. Слесарша, здешняя мещанка: Февронья Петрова Пашлепкина, отец мой...

Хлестаков. Стой, говори прежде одна. Что тебе нужно?

Слесарша. Милости прошу: на городничего челом бью! Пошли ему бог всякое зло, чтоб ни детям его, ни ему, мошеннику, ни дядьям, ни теткам его, ни в чем никакого прибытку не было.

Хлестаков. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты, и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! да и по закону нельзя: он женатый.

Хлестаков. Как же он мог это сделать?

Слесарша. Сделал, мошенник, сделал: побей бог его и на том и на этом свете! чтобы ему, если и тетка есть, то и тетке всякая пакость, и отец, если жив у него, то чтоб и он, каналья, окошел или поперхнулся навеки, мошенник такой. Следовало взять сына портного, он же и пьянюшка был, да родители богатый подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала к супруге полотна три штуки; так он ко мне: «На что, – говорит, – тебе муж, он уж тебе не годится». Да я-то знаю: годится или не годится; это мое дело, мошенник такой. «Он, говорит, вор: хоть он теперь и не украл, да все равно, говорит, – он украдет, его и без того на следующий год возьмут в рекруты». Да мне-то каково без мужа, мошенник такой! я слабый человек, подлец ты такой! чтоб всей родне твоей не довелось видеть света божьего, и если есть теща, то чтоб и теще...

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? *(Выпровождает старуху.)*

Слесарша *(уходя)*. Не позабудь, отец наш! будь милостив!

Унтер-офицерша. На городничего, батюшка, пришла...

Хлестаков. Ну, да что, зачем? говори в коротких словах.

Унтер-офицерша. Высек, батюшка.

Хлестаков. Как?

Унтер-офицерша. По ошибке, отец мой. Бабы-то наши задрались на рынке, а полиция не подоспела, да и схвати меня. Да так отрапортовали: два дни сидеть не могла.

Хлестаков. Так что ж теперь делать?

Унтер-офицерша. Да делать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штраф. Мне от своего счастья неча отказываться, а деньга бы мне теперь очень пригодилась.

Хлестаков. Хорошо, хорошо! Ступайте, ступайте. Я распоряжусь. *(В окно высовываются руки с просьбами.)* Да кто там еще? *(Подходит к окну.)* Не хочу, не хочу! не нужно, не нужно! *(Отходя.)* Надоели, чёрт возьми! не впускай, Осип!

Осип *(кричит в окно)*. Пошли, пошли! не время, завтра приходите!

(Дверь открывается и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели, с небритой бородою, раздутою губою и перевязанною щекою. За ним в перспективе показывается несколько других.)

Осип. Пошел, пошел! чего лезешь? *(Упирается ему руками в брюхо и выпирается вместе с ним в прихожую, захлопнув за собою дверь.)*

Явление XII

Хлестаков и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ах!

Хлестаков. Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нет, я не испугалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.